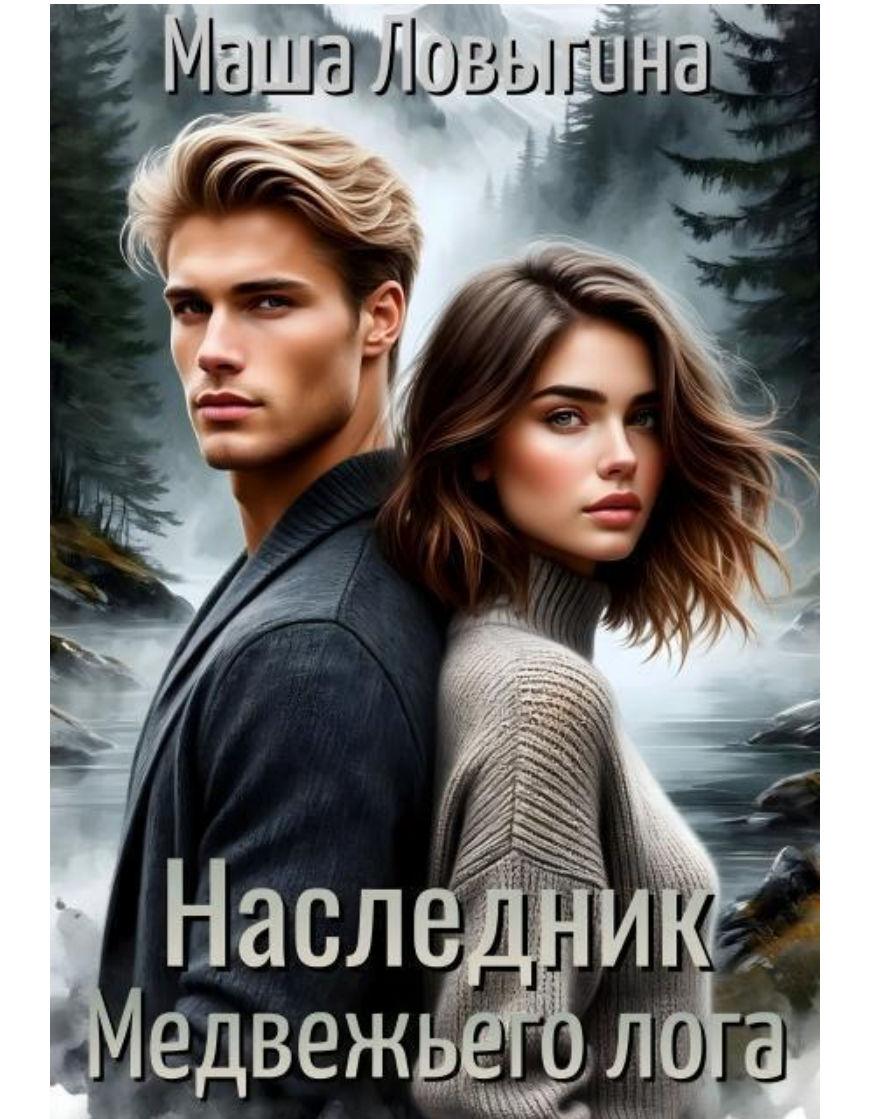

Маша Ловыгина

Наследник
Медвежьего лога

Маша Ловыгина

Наследник Медвежьего лога

<https://litres.ru/74210739>

Аннотация

На краю земли, в окружении величественных гор, красивейших водопадов и незамерзающих фьордов, притаился Медвежий лог - заповедное место, где, как гласят легенды, обитает нечистая сила... В детстве Эрик любил сказки. Но теперь он вырос и перестал верить в волшебство. Он вернулся в страну предков лишь с одной целью - продать завешанные дедом земли. Но случайная встреча с Герти заставляет его изменить свое решение... У Герти есть жених, скоро свадьба. Вот только у любви свои планы. И пусть все вокруг против союза Эрика и Герти, в дело уже вмешались потусторонние силы...

Содержание

Глава 1 Эрик	4
Глава 2 Мона	24
Глава 3 Герти	34
Глава 4 Эрик	52
Глава 5 Герти	63
Глава 6 Эрик	74
Глава 7 Герти	85
Глава 8 Эрик	90
Глава 9 Наследство	96
Глава 10 Герти	111
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Глава 1 Эрик

Книга является художественным произведением. Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, вымышленные или используются условно.

Район Тьювхольмен, Осло, наше время.

Воздух просто сочился адреналином.

Полицейские машины окружили вход в здание из белого мрамора с деревянной отделкой, которое выделялось на фоне более низких строений и как бы ставило заключительный аккорд в графичном ансамбле фешенебельного района. Здание принадлежало компании "Хансен-индастриал", верхний этаж его занимал роскошный пентхаус.

Констебли стояли, задрав головы и смотрели на окна, откуда в эту минуту доносилась громкая музыка и крики. Яркие вспышки света сопровождались радостными воплями, а от мощных басов закладывало уши.

Репортеры лезли сквозь кордон, чтобы сделать эффектное фото для журналов. И было понятно, почему.

Одно из окон пентхауса, откуда открывался великолепный вид на Осло-фьёрд, было распахнуто настежь. На подоконнике стоял высокий полуголый блондин в рваных джинсах, который, казалось, даже не замечал того, что происхо-

дит вокруг. Он дергался под оглушающую музыку, каждую секунду рискуя свалиться вниз.

- Метров пятнадцать, - резюмировал один из констеблей, лет двадцати пяти, вытирая вспотевшую шею.

- Похоже, у этого Хансена мозги напрочь отбиты, - сказал второй, постарше, качая головой. – Да, деньги реально портят...

- Хотелось бы мне немного испортиться... - пробурчал в ответ напарник.

- Не в той ты семье родился, Ярве. О!.. Смотри!

Вскинув ногу, парень в окне качнулся и едва не выронил микрофон, который был зажат в его руке. Наблюдавшие внизу ахнули. Парень согнулся, ухватившись за раму. Его вырвало, и содержимое желудка вскоре оказалось на забетонированной площадке.

- Приказываю вам плодить печаль и боль посредством блуда!.. – хрипло проорал он, вытирая рот.

- О чем это он? Я не расслышал, – спросил младший констебль.

- Какая разница, - хмыкнул второй. – Ничего такого, что было бы прилично написать на могиле.

- А чего мы ждем, почему не поднимаемся?

- Ждем приказа, - пожал плечами тот, что постарше. – К Хансенам без приглашения не пройдешь.

- Тогда он точно свалится...

- Ну, тогда нам не придется покупать утреннюю газету.

Главная новость сейчас у тебя перед глазами.

- И чего ему нормально не живется? - Ярве сунул руки в карманы и поежился.

Старший лишь хмыкнул и поднес зашипевшую рацию к уху.

- Переходим к последнему акту, - выслушав приказ, он обернулся и сделал знак стоявшим в ограждении. – Что бы ни случилось, Хансену придется прилично раскошелиться за очередную выходку его отпрыска. Но у папочки денег хватит. Ему придется платить хотя бы до того момента, пока его сына не соскребут с тротуара.

Со стороны проспекта послышался вой сирен. Три автомобиля вереницей двигались в самое сердце Тьювхольмен. Две полицейских машины вели черный «мерседес». Поравнявшись со зданием, кортеж остановился. Из «мерседеса» вышел первый охранник, следом за ним – худощавый светловолосый мужчина в темном костюме. Второй охранник замкнул процессию.

Репортеры тут же кинулись в их сторону, но были оттеснены полицейскими. От вспышек камер рябило в глазах.

- Герр Хансен, что вы можете сказать о том, что сейчас происходит?

- Ваш сын вернулся, чтобы помогать в бизнесе?

- Влияет ли поведение вашего сына на котировку акций «Хансен индастриал»?

- Планируете ли вы ввести Эрика в совет директоров ком-

паний?

- Как вы относитесь к музыкальному творчеству Эрика?..

... Ари Хансен, сжав зубы, остановился около лифта и вытащил магнитную карту.

- Мы хотели войти, но решили дождаться вашего приезда,

- заместитель начальника полицейского управления топтался рядом, стараясь не смотреть на Хансена. – Жители стали звонить и жаловаться, когда в окна полетели бутылки. К тому же крики, громкая музыка... Журналисты тут же пронохали, кое-кто оказался здесь раньше нас. Запретить фотографировать мы не можем, так что...

Ари коротко кивнул и сунул карточку в паз. Когда двери открылись, все, кто стоял внизу, увидели испачканный испражнениями некогда сверкающий пол.

Желваки на лице Хансена заходили ходуном.

- Мы здесь минут пятнадцать. Вниз никто не спускался, - крикнул заместитель управления. – Возможно, среди тех, кто сейчас в гостях у вашего сына, затесались люди другого... э... уровня... - начал он, но тут же смолк под тяжелым взглядом Хансена.

- Поднимемся через пожарный ход, - велел Ари, брезгливо поджав бледные, с сиреневой каемкой, губы.

В огромном пентхаусе творилось невообразимое. Совершенно одуревшие от выпитого парни и девушки шныряли по комнатам, круша все на своем пути. Облеваннные диваны, прожженные картины, разбитые вазы и сломанная ме-

бель теперь заполнили пространство, еще несколько часов назад имевшее более чем презентабельный вид. Воздух пропитался спиртными парами настолько, что, казалось, стоит зажечь спичку, как все здесь запылывает на радость хозяину и его гостям.

Ари шел по осколкам и зловонным лужам, расталкивая беснующуюся молодежь. У окна он остановился, разглядывая кривлявшегося Эрика.

- Эй, вы, лизоблюды! Что вы понимаете в настоящей музыке? Вы жрете свой хлеб и боитесь всего на свете! Отрациваете ляжки... - орал Эрик в микрофон.

В бешенстве Ари выдернул шнур из усилителя.

- ... мир создан для секса!.. – хрипло крикнул Эрик, но эту фразу слышали лишь те, кто был в метре от него. – Что за... - он развернулся и уставился мутным взглядом на Ари. – О... Герр Хансен... Какая неожиданная встреча!.. – Светлые волосы его прилипли к вискам, красивый рот дергался словно у марионетки. Расширенные зрачки почти скрыли серо-голубую радужку. – Зачем ты сюда припер...

Двумя руками Ари вцепился в джинсы Эрика и дернул его на себя.

- Скотина... - процедил он сквозь зубы и сам едва удержался на ногах, когда Эрик кулем повалился на пол.

Один из охранников попытался придержать падение вдрызг пьяного Эрика, но тот все же с грохотом упал у ног отца, уткнувшись носом в его ботинки. Ари посмотрел на

испачканную слюной глянцевую кожу, прижал кулак к своей груди и помассировал ее.

- Очистите здесь все, - он убрал ногу. — А это... - вобрал в себя побольше воздуха, - в машину.

... Эрик с трудом сфокусировал взгляд и уставился на серый потолок. Голова раскалывалась, словно переспелый арбуз. Дернув рукой, он заскрежетал зубами - в вене торчала игла, соединенная трубкой с капельницей.

Сознание превратилось в вязкий кисель, из которого не хотелось выбираться. И все же этот благословенный вакуум через пару минут был вновь нарушен - шаги за дверью впились в виски острыми гвоздями и вызвали новую вспышку боли.

В комнату вошла женщина средних лет в голубом форменном платье. Она проверила систему, вытащила из кармана баночку и высыпала на салфетку пару пилюль. Затем сделала пометку в тетради, лежавшей на столике рядом с кроватью.

- Где я? — едва ворочая языком, пробормотал Эрик.

- У себя дома, - ответила женщина. На ее бесстрастном лице не отразилось ни одной эмоции.

- А... О... - Эрик соорудил недовольную гримасу, и сухие губы его тут же покрылись саднящими трещинками. — Давно?

- Сутки.

- Черт... Ничего не помню, - он заворочался, пытаясь размять одеревеневшее тело.

Женщина поправила подушку под его головой. От ее рук так несло антисептиком, что к горлу Эрика моментально подскочила тошнота.

- Уберите это, - Эрик шевельнул запястьем, указывая на торчавшую иглу.

- Это всего лишь витамины. Ваш отец распорядился, чтобы...

- Уберите. Это. - Повторил Эрик и, извернувшись, дернул за трубку.

- Хорошо. - Женщина проверила количество оставшейся жидкости в флаконе, перекрыла фильтр и только потом аккуратно вытащила иглу и заклеила синюю точку в месте укола.

Эрик следил за ее движениями, чувствуя, как проясняется сознание и вместе с ним просыпается злость.

- Теперь необходимо просто лежать, - заявила женщина.

Шуршание ее накрахмаленного платья было похоже на шорох крыльев летучих мышей. Эрик не любил все то, что имело крылья. Поэтому к злости прибавилось гадливое ощущение страха.

- Так, еще вам нужно... - деловито начала женщина.

- Я сам знаю, что мне нужно, - Эрик сел в кровати и тут же зашипел от боли. - Черт, голова...

- Вы упали и ударились. Но сотрясения нет.

- Понятно. А выпить есть?

- Эти пилюли назначил ваш семейный врач. - Женщина протянула стакан.

- Упал... Да, точно, что-то припоминаю, - хмыкнул Эрик. Он поднес стакан к губам и принялся: – Мерзость какая... Эй, как вас там? Мне нужно встать.

- Меня зовут Мэгритт, - женщина прихватила его за плечи. – Вставать не надо. Герр Хансен велел, чтобы...

- А вылизать меня он вам не велел?! – Эрик откинул тонкое одеяло и свесил ноги. Оглядев себя, чертыхнулся. – Не лезьте ко мне! Пляшите перед герром Хансеном, больше вы ни на что не способны.

Пошатываясь, он спустился по широкой лестнице и пересек большой холл. Снаружи слышался женский смех и плеск воды. Эрик прошлепал к барному холодильнику и достал банку пива. Сделав пару жадных глотков, он со стоном прижал ледяную банку ко лбу.

Огромная деревянная терраса была залита солнцем. Когда Эрик распахнул двери, то буквально ослеп от яркого света.

Вилла Хансенов находилась в получасе езды от центра столицы и стояла особняком от других построек, скрытая буковой рощей. С террасы открывался великолепный вид на море, а со стороны дороги, ведущей к дому, можно было разглядеть снежные вершины лыжного трамплина Холменколлен.

День выдался по-настоящему жарким, что было непривычно даже для июля. Обычно температура не поднималась выше двадцати, что, однако, не мешало принимать солнечные ванны и за несколько дней получать вполне приличный загар. И все же Эрик поежился, ощутив на голой коже свежий морской воздух.

Лили-Бет сидела в шезлонге с бокалом арбузного фреша. В руках ее был журнал, обложку которого украшал портрет Эрика с крупной надписью: «Хансен ушел в отрыв». Две смазливые подружки Лили-Бет плавали на надувных матрацах и оживленно болтали. От популярной попсовой мелодии, льющейся из ноутбука, у Эрика свело скулы.

Он допил содержимое банки и, разбежавшись, плюхнулся в воду. Девушки завизжали, загоразживаясь от брызг.

Лили-Бет перекинула одну ногу на другую, втянула розовую жидкость через трубочку и прищурилась, когда Эрик вынырнул на поверхность.

- Где твои трусы?

Эрик подплыл к краю бассейна и широко улыбнулся.

- Доброе утро, сестра.

- Если отец увидит тебя в таком виде, то... - она передернула плечами и заправила длинную темную прядь за ухо. — Это просто свинство.

Не ответив, Эрик уткнулся головой в каменный бортик перед тем, как оттолкнуться и оказаться посреди бассейна.

- Все газеты написали о том, что ты устроил на Тьювхоль-

мен, - восхищенно заявила одна из подружек Лили-Бет – блондинка в белом бикини. В ее пупке поблескивал пирсинг в виде головы Микки-Мауса.

- Хотела бы я побывать на такой вечеринке, - хихикнула другая – темненькая, с родимым пятном на плече.

- Вы хотите попасть ко мне на вечеринку? – медленно произнес Эрик, переводя взгляд с одной на другую. – А вы совершеннолетние? Предупреждаю, это билет в один конец, - многозначительно добавил он.

- Неужели там на самом деле происходит что-то... - блондинка прижала ладошку к губам. Микки-Маус в ее пупке игриво подмигнул Эрику. - Мне рассказывали, то есть я слышала...

- Вилда, не разговаривай с ним! Это может быть опасно. – Лили-Бет свернула журнал трубкой и посмотрела сквозь отверстие на брата. – Он портит все, к чему прикасается.

- Слышишь, Вилда, - Эрик положил ладонь на горячее колено блондинки, - что говорит моя сестра? Она права. Знаешь, что я делаю с такими красотками, как ты?

Глаза девушки округлились. Словно замороженная, она смотрела на залепленный пластырем сгиб локтя и на то, как рука Эрика скользит по ее ноге все выше и выше. Вторая девица молчала, но до Эрика доносилось ее прерывистое дыхание и поскрипывание матраса под телом.

- Отец Вилды входит в городской Совет! – возмущенно заявила Лили-Бет. – Лучше бы тебе держаться от нее подаль-

ше.

Эрик подмигнул Вилде, а затем нырнул с головой, чтобы выплыть с другой стороны. Блондинка вскрикнула, дернулась и соскользнула с матраса. Озираясь, она закрутилась на месте в поисках Эрика, но тот уже схватил за ноги ее подружку и заставил ее упасть в воду.

Лили-Бет вскочила и швырнула журнал в бассейн - Эрик на обложке тут же покрылся радужными каплями.

- Девочки, прекратите! Выходите из воды! - крикнула она, но никто ее не услышал.

Когда на террасе появился Ари Хансен, Лили-Бет металась по краю бассейна, уворачиваясь от брызг и пытаясь уговорить своих подруг.

- Папа, скажи ему, чтобы он оставил нас в покое!

Ари прищурился и сжал кулаки.

- Эрик! Быстро иди сюда!

Отфыркиваясь и потирая глаза, Эрик некоторое время смотрел на отца. Раскрасневшиеся девицы, кусая губы, замерли, вцепившись в один из надувных матрасов.

Губы Эрика растянулись в язвительной улыбке. Он подтянулся на руках и влез на бортик, игнорируя ступени. В его руках был верх от бикини Вилды. Абсолютно голый Эрик стоял так целую минуту, пока Лили-Бет не швырнула ему парео и не выхватила микроскопический белый лиф. Бросив его обратно в бассейн, она толкнула брата в плечо:

- Придурок! Как же я тебя ненавижу!

- Ты хотел со мной поговорить? – не обращая внимания на ее слова, спросил отца Эрик. – Что-то с бизнесом? Тебе нужен мой совет?

- От тебя? – Ари дернул шеей и ослабил узел галстука. – Какой совет ты можешь дать? Как пропить сто тысяч крон за вечер и испоганить триста квадратных метров самой дорогой городской недвижимости?

- И это папочка еще промолчал о том, сколько ему пришлось сунуть в зубы полиции, - прошипела Лили-Бет. – От тебя одни убытки!

- Я тоже люблю тебя, сестра.

- Мне стыдно, что ты мой брат! - не унималась Лили-Бет.

- Теперь в каждой газете твоя ухмыляющаяся рожа!

- Заметь, очень симпатичная рожа. - пожал плечами Эрик.

- Оденься! - велел Ари.

- Боишься, что кто-нибудь проберется сюда и сделает еще пару пикантных кадров? Что же ты не откупился от репортеров? – нарочито ленивым голосом спросил Эрик. - Неужели денег пожалел? А может, не хватило? - Пальцы его подрагивали, когда он пытался завязать узел на своих бедрах. В итоге, рванув ткань, Эрик отбросил парео на доски и как есть пошел к дому. А когда поравнялся с Ари, тот схватил его за запястье и сжал со всей силы.

- Ты – порождение дьявола... - прошипел он.

- О господи... - Эрик закатил глаза и выдернул руку. – Что за бред ты несешь? Перегрелся?

- Мне надоело подтирать за тобой. С сегодняшнего дня ноги твоей здесь больше не будет!

- Это ты хотел, чтобы я вернулся, - Эрик приблизил лицо к лицу отца. - Мне прекрасно жилось в Калифорнии...

- На мои деньги!

Эрик приподнял левую бровь и криво усмехнулся:

- Я не просил тебя быть моим отцом. Ты выбрал женщину и сделал с ней детей. Так кого винить в том, что они получились не такими, как тебе хотелось?

- Говори за себя! - крикнула Лили-Бет.

- Конечно, сестренка, - осклабился Эрик. - Ты же у нас копия отца. Такая же расчетливая и продуманная.

Лицо Ари пошло пятнами.

- Давно следовало выкинуть тебя как паршивого щенка! - сказал он.

- Насколько я знаю, других щенков у тебя нет. Есть только маленькая сучка Лили-Бет, не так ли? - глаза Эрика зло блеснули. - Хотя, может ты еще способен сострогать себе наследника? Иначе все это пойдет по ветру? - он махнул рукой, указывая на виллу и буковую рощу.

- Во всем виновата твоя мать... - хрипло ответил Ари и покачал головой.

- Не смей говорить о ней!.. - задохнулся от гнева Эрик. - Ты лишил нас матери! Ты заставил ее уехать! Если бы она не боялась тебя, то давно бы вернулась. Все ждут, когда ты... - он запнулся и заскрежетал зубами. - Когда ты...

- Тебе придется подождать моей смерти, мальчик, - с каменным лицом ответил Ари. – Но даже тогда ты ничего не получишь. Я изменил завещание. Ты не достоин империи Хансена!

- Любая империя рано или поздно погибает. Так что не надо обольщаться, - Эрик стер капли со своего плеча.

- Ты думаешь, что вырос и можешь рассуждать о чем-то?
- Ари пристально посмотрел на сына. – Я строил ее не ради себя.

- Вот как? Деньги и власть – только это тебя интересует. Так кто же из нас продал душу дьяволу?

- Считаешь, что легко можешь прожить без всего этого?
- Ари оглядел сына. – Ты пришел в этот мир голым, но я позволю тебе взять свои вещи.

- В смысле? – Эрик качнулся и, обернувшись, посмотрел на застывшую с открытым ртом Лили-Бет.

- Ты уберешься из этого дома. Сегодня же.

Эрик вскинул брови:

- Хорошо, я вернусь в квартиру. Надеюсь, твои уборщицы не выкинули мою гитару, я купил ее специально для Коачеллы.

- Все, что принадлежит тебе, твое, - кивнул Ари. – Хоть она и куплена на мои деньги. Но в квартире ты жить не будешь.

- Не понял... - растерялся Эрик.

- Считай, что империя рухнула. Самое время создать на

ее обломках что-то свое.

Грудь Эрика покрылась мурашками. Но уже через секунду он заявил:

- Если ты думаешь, что наказал меня, то глубоко ошибаешься. До этого момента я делал то, что ты хотел – кстати, можешь потереться моим дипломом. Так вот - у меня будут деньги, нравится это тебе или нет. И гораздо быстрее, чем ты можешь себе представить.

- Не смейся меня. Ты ни на что не способен. Твоя так называемая музыка – всего лишь вопли испуганного енота. Никто в своем уме не заплатит за это и кроны. Ты сопьешься под мостом.

- Что ж, я продам наследство деда и упьюсь в комфорте под собственные песни.

Ари отшатнулся.

- Ты не посмеешь...

- Все, что принадлежит мне, мое! – прошипел Эрик и направился в дом. В дверном стекле отразилось его перекошенное яростью лицо.

Сжав губы в тонкую нить, Ари Хансен посмотрел ему в след.

- Медвежий лог не стоит тех денег, которые ты надеешься выручить за него. И он точно не сделает тебя счастливым...

... Лили-Бет ворвалась в его комнату, когда Эрик, уже в джинсах и футболке, стоял у шкафа и перебирал висевшую

там одежду. Задрав подбородок и стиснув зубы, она следила за тем, как на пол летят свитера и рубашки, которые брат носил еще в школе.

- Что? – резко спросил Эрик, припечатывая ее мрачным взглядом.

Глаза Лили-Бет тоже были полны ярости. Она тяжело дышала, но молчала. Для пятнадцатилетней девчонки подобное поведение было несвойственно, просто Лили-Бет довольно рано усвоила правила поведения своего круга и старательно придерживалась их в любой ситуации. Ну или почти в любой.

Эрик издевательски пощелкал пальцами перед ее носом, стараясь вывести из шаткого равновесия, отчего на щеках Лили-Бет тут же появились два ярких пятна.

- Ты оскорбил папу! – наконец выкрикнула она ему в лицо.
– Ты оскорбил всех нас! Мои подруги в шоке... Лучше бы ты не возвращался!

Эрик покачал головой и с грохотом закрыл дверцу шкафа. Метнувшись к письменному столу, на котором еще лежали какие-то книги и возвышалась модель корабля "Christian Radich", подаренная отцом на его тринадцатилетие, он зачем-то выдернул из старого плеера наушники, чтобы сунуть их в карман. Подумав, бросил в сумку и плеер.

- Не суй свой нос туда, куда не надо. Наслаждайся жизнью!
- Эрик сел на кровать и впихнул ступни в черные потертые "мартинсы", найденные в шкафу.

Лили-Бет шмыгала носом, переминаясь с ноги на ногу, явно намереваясь продолжить разговор. Эрик же, наоборот, желал свалить из дома как можно скорее. Он спрятал шнуры внутри голенища, закинул сумку на плечо и сделал шаг к двери. Лили-Бет преградила ему путь и сейчас смотрела снизу вверх, настойчиво сверля его взглядом.

- То, что ты сказал про маму... - она занервничала и схватилась за горло, будто слова застревали внутри или же причиняли ей нестерпимую боль.

- Забудь, - Эрик протянул руку к ее плечу, но тут же одернул ее. - Я сказал правду, потому что помню, как...

Сестра отшатнулась и замотала головой:

- Ты все врешь!

- Я никогда не врал тебе, - пожал он плечами. - Во всяком случае, в главных вещах.

- В каких? Не припомню, чтобы мы обсуждали с тобой что-то по-настоящему важное. Ты всегда был занят собой! Старший брат - ну конечно! Старший — не значит, что я буду верить каждому твоему слову! Тебе просто хочется досадить папе. А я знаю, что он не мог... Мама, она... - Лили-Бет умолкла, растерянно озираясь по сторонам.

- Давай, скажи мне? Объясни, почему ее нет рядом с нами? - прошипел Эрик, склоняясь к ее уху. - Ты знаешь, что наш отец ничего не делает просто так. Она надоела ему, и он сделал все, чтобы избавиться от нее. Он решил, что мы должны принадлежать только ему. Как вещи. - Эрик сжал

кулаки. - Но знаешь, больше я не буду действовать по его указке.

Личико Лили-Бет скривилось, светло-карие глаза наполнились слезами.

- Я люблю папу... - упрямо повторила она.

- Конечно, - Эрик задел ее плечом, когда стал выходить из комнаты. - Ведь ты его дочь, Лил. Такая же... - он с шумом выдохнул. Сердце его вновь сжалось, когда он вспомнил, какой маленькой и прелестной малышкой Лили-Бет была в детстве. Пятнадцать лет пролетели незаметно. Когда мать исчезла из их жизни, ему только исполнилось семь, а сестра была еще младенцем. Что она могла знать о том, что тогда произошло?

Лили-Бет стояла, вжавшись в стену и накручивая длинный локон на палец, как делала всегда в минуты сильного волнения. Невысокого роста, с темными, почти черными бровями, она была совсем не похожа на Эрика, но, глядя на нее, он видел их мать. И хотя Эстер была светловолосой, она точно так же играла со своими локонами, когда задумчиво смотрела на огонь в камине. Почему-то в памяти Эрика засела именно эта картинка. Все остальные воспоминания напоминали залитое дождем окно - будто вслед за водой с каждым днем стирались и краски прошлого...

- Куда ты сейчас? - дрогнувший голос сестры вернул его в реальность.

- Какая разница, Лил? Неужели ты будешь скучать?

Лили-Бет тряхнула волосами и прикусила пухлую губу.

Бросив последний взгляд на комнату, в которой он не жил уже несколько лет, Эрик без сожалений покинул дом, где никогда не чувствовал себя счастливым.

До Тьювхольмен пришлось добираться на метро, потому что документы и карты остались в квартире. Должны были остаться, если, конечно, в тот злополучный день вечеринки кто-нибудь из его гостей не вскрыл дверь в его комнату. Эрик запер ее по привычке, как делал всегда, чтобы отгородиться от внешнего мира.

Эрик остановился у здания "Хансен-индастриал". Задржав голову, он стоял и смотрел на верхний этаж, вспоминая обложку журнала Лили-Бет. Фотография, взятая по всей видимости у кого-то из его друзей, была совмещена с другой - где он скрючился в окне этого грандиозного архитектурного шедевра в центре Осло. И выглядел при этом так, будто его рвало.

- Привет! - окликнул его мужчина на входе.

Кажется, это был один из консьержей. Эрик видел его пару раз. Впрочем, ни его имени, ни реальной должности вспомнить у него не получилось, потому что то, состояние, в котором Эрик пребывал последние несколько недель, можно было охарактеризовать только одной фразой - "Хансен ушел в отрыв".

- Там твои вещи, - сказал консьерж, кивая на дверь, и Эрику не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Глава 2 Мона

Хутор Лерде, Согне-фьорд, Норвегия, 60 лет назад

Этот день не предвещал чего-то особенного, такого, чтобы она почувствовала себя иначе чем обычно. Открыв глаза, сквозь белесый туман хмурого утра Мона вновь ощутила приближающийся страх, который заставлял ее переживать болезненные спазмы отчаяния и ненависти ко всему, что окружало ее, и прежде всего, к самой себе.

Она думала, что с каждым таким утром у нее остается все меньше сил, и ждала, когда однажды они покинут ее окончательно. Но тусклое зимнее солнце настойчиво лезло в глаза, и горло саднило чем-то жестким, колючим и гадким, словно внутри поселился морской еж. Мона догадывалась, что это душа хочет покинуть ее несчастное тело и потому рвет на части измученное сердце и истерзанные нервы.

Когда Мона была девчонкой, она и помыслить не могла, что существуют подобные болезни. Ожиревшее сердце, кровавый понос, надсадный кашель или боли в пояснице, - телесные болячки, о которых нет-нет да услышишь от соседей. Но то, что творилось с ней, не было похоже на то, что случалось с ее знакомыми. Тоска завладела ее душой и телом, высосала из них все соки и продолжала мучить, намереваясь свести в могилу раньше времени. Что ж, это лучше, чем ждать, когда тело сгниет от опухоли в ее животе.

Мона мельком взглянула на себя в зеркало - серая тень с синими подглазинами и лохматыми волосами на миг появилась в заляпанном пальцами стекле и тут же повернулась спиной. Без малейшего интереса и желания привести лицо или волосы в порядок Мона мрачно посмотрела на скопившуюся на столе посуду - чашки с засохшей жижей из-под кофе, тарелки с сухарями вперемежку с яблочными огрызками, и пустую бутылку из-под рома. Последнюю неделю ей хватало и маленького стаканчика, чтобы голова отключалась. Мона засыпала прямо в одежде, кутаясь под утро в толстое одеяло и стараясь унять нервную дрожь, которая началась с первыми скуными лучами зимнего солнца.

Следовало протопить печь и накормить корову. А еще расчистить дорожки к дому и сараю. Привычная физическая работа, с которой раньше она с радостью справлялась еще до обеда, сейчас вызывала отторжение.

Обувшись, Мона застегнула теплую куртку и накинула капюшон. Вышла на улицу и судорожно вдохнула обжигающий морозный воздух. Закрыв глаза, замерла на несколько минут, почувствовав сильное головокружение. В сарае замычала корова. Мона тряхнула головой, будто пытаясь скинуть ватный морок, но состояние тупого сонного безразличия не проходило.

Все когда-нибудь кончается, вяло подумала она. Надо просто подождать...

Как же Мона ненавидела себя в эту минуту!

Она вернулась в дом, взяла лыжи и направилась через огромное снежное поле в ту сторону, где виднелся лес. Через несколько сотен метров ей стало жарко. Шея зачесалась под шерстяным шарфом. Правое колено свело, и Мона, сжав челюсти, перенесла на него вес, чтобы усилить боль. Все же лучше испытывать боль и ненависть, чем обреченность.

И если бы ее ненависть могла говорить, то ее сдавленный хриплый шепот был бы похож на рокот воды под толщей льда, сковавшей озеро под ее ногами. Как бы ей хотелось, чтобы оно разверзлось и поглотило ее! Но озеро лишь пристально наблюдало за тем, как она, сопя и отдуваясь, двигалась вперед, переставляя лыжные палки, навстречу темнеющей полосе лесного горизонта.

Через полчаса Мона остановилась, чтобы перевести дух. Мысли свербели в ее голове и были такими мрачными, что даже красота заснеженного леса не могла разбавить их черноту.

Широкие лыжи мягко заскользили мимо вековых стволов и молодых деревьев, гнущихся под тяжестью снежных шапок.

«Пусть все закончится...» - набатом гудело в голове Моны и тут же всхлипом отдавалось в груди.

Но разве могло все закончиться в одночасье?

«О, Ларс, как же мне одиноко... Если бы у нас были дети, я бы...»

Их брак был обречен с самого начала. Смириться с тем,

что у нее не будет детей, у Моны не получалось, а Ларс, как и все мужчины, был занят своими делами и обустройством хутора, куда привез ее глупой девчонкой.

С каждым днем они все больше отдалялись друг от друга. Пустота теперь была не только внутри Моны, но и вокруг нее. Ларс нанялся на рыболовецкий траулер и не появлялся на хуторе месяцами. Она подозревала, что он завел себе другую женщину и ждет момента, когда та забеременеет, чтобы окончательно уйти к ней. Ларс возвращался, привозил продукты и вещи, чинил дом и хозяйственные постройки. Но не замечал ее. Она прекрасно осознавала произошедшие с ней изменения – ее тело стало вялым, раздалось, лицо осунулось, а кожа поблекла. Ей исполнилось сорок пять, но чувствовала она себя на все восемьдесят...

Год назад она выбралась на большую землю, чтобы сходить к врачу. Ларс пропустил мимо ушей, когда она сказала ему о том, что врач отправил ее на обследование. Но она и так знала, что он прав. Ее мать умерла от опухоли, но успела воспроизвести на свет дочь. Кровь Моны с самого рождения была заражена этой дрянью. Получается, она должна была возблагодарить Бога за то, что у нее нет детей и сдохнуть в одиночестве на этом одиноком хуторе. Но ведь Мона хотела жить и любить, а что получила? Теперь, когда жизнь на исходе, зачем вообще было цепляться за нее?

Она пробовала молиться, но становилось только хуже. Разум ее, как и тело, сгорал.

Мона вытерла выступивший пот над верхней губой и задумалась о том дне, когда она впервые за долгое время вновь ощутила присутствие чего-то потустороннего. Это было в середине сентября, как раз на Праздник осени. Ларс перекрыл крышу в сарае и наполнил деревянные коробки душистым сеном. Горные сеттеры были уже пусты – из года в год именно в это время сгоняли с выпаса домашний скот. В тот день, работая в огороде, Мона вдруг вздрогнула и посмотрела вдаль, на горные вершины, и сердце ее затрепетало как в детстве при мысли о нечистой силе, которая теперь могла безраздельно властвовать в сеттерах до самой весны. Горные ведьмы – хюльдры - становились хозяйками склонов и горных пастбищ. Так уж повелось, что именно к середине сентября скотину загоняли в стойбища, и каждый в округе знал, что сделать это нужно своевременно. Хюльдры очень не любили, когда люди заставляли их ждать, а потому всячески пакостили, чтобы выгнать их с горных хуторов. И ладно, если получалось живым добраться до своей деревни, а ведь кое-кто так и пропал, оставив своих близких в полном неведении... Но тут уж мнения расходились – поговаривали, что ведьмы не убивали, а заманивали своей красотой неудачников и оставляли их в качестве прислуги. Но какая радость от того жене, невесте или детям, оставшимся без мужчины в доме? Вот и задумаешься, галочку в календаре поставишь, чтобы все сделать вовремя и не попасться на глаза нечистой силе...

Разумеется, Мона не особо верила легендам и байкам. Это в детстве ей нравились рассказы старой бабки. На самом деле, не хюльдры уводят мужчин, а они сами решают уйти...

В последнее время Моне до слез хотелось вернуться туда, в свои восемь лет, чтобы засыпать под тихий голос старой Хельги, а проснувшись, есть молочную кашу и представлять себе, как красивые свободные горные ведьмы водят хороводы под звездным небом...

Мона вновь почувствовала головокружение и слабость. Стащив рукавицу, она зажала ее зубами и сомкнула губы, всасывая мерзлый снег. Звуки исчезли на несколько мгновений, к щекам прилил жар, а спину обдало холодком.

Она зашла довольно далеко. Это была чужая земля, к тому же – самое глухое место, как говаривала старая Хельга. Медвежий лог... Здесь нечистая сила чувствовала себя полноправной хозяйкой.

Стоило бы поостеречься лесных зверей, но Мону тянуло сюда, словно магнитом. Окруженная ледяным холодом, она дрожала посреди чащи и могла поклясться, что за ней наблюдают. Краем глаза Мона будто улавливала движения, но все это оказывалось лишь движением деревьев. Боль будто застыла, уступив место суеверному ужасу и какому-то странному восторгу.

Ларс сказал бы ей, что она сошла с ума. И был бы прав. Вот только Ларсу наплевать на то, что с ней. Наверное, он просто ждет, когда, вернувшись однажды, найдет ее безды-

ханное тело. Думает ли он о том, когда она сведет счеты с жизнью? Его нет уже очень давно – Мона перестала считать дни. В зимние месяцы на хутор практически не добраться. Да и не кому. Все давно забыли про Мону, потому что считают ее отшельницей.

Когда-то Ларс любил ее. Привез ее в Лерде, чтобы она стала хозяйкой. После войны всем хотелось сытой жизни и покоя. Но через двадцать пять лет Ларсу стало тошно рядом с ней.

Ей и самой было тошно...

Без этого ежедневного выматывающего похода Мона не находила сил дожить до вечера. Вернувшись на хутор, она прислушивалась и посматривала в сторону белеющих хребтов над кромкой леса, ощущая, как сладостно и больно перехватывает дыхание в груди. Ей казалось, что на несколько мгновений или часов она вновь становится живой. Что больная плоть ее вновь обретает свежесть и гибкость...

Мона помотала головой, разгоняя кровь и цепляясь за ускользающее сознание. Оглядевшись, прислушалась – вокруг царила странная тишина. Подозрительная. Вязкая. Ждущая...

Мона похлопала себя по карманам в поисках охотничьего ножа, подумав, что если навстречу выйдет медведь, то нож ей не поможет. Что бы сказал Ларс, если бы не нашел даже ее следов? Ведь он знает, что она ни за что бы не ушла с хутора. Люди слабы и всегда цепляются за жизнь.

А она ищет смерти...

Мона с трудом развела замерзшие губы – Смерть... разве не за этим она приходит сюда?

Нет в ней сил покончить со всем разом. Пусть кто-то другой сделает это за нее. Медведь, волчья стая, лесные духи... Пусть озеро разверзнется под ней или мороз выбьет из нее все силы. пусть все закончится, и душа ее вырвется на свободу!

Мона горько усмехнулась – нет, Господь наказывает ее, заставляет принять собственную участь и ждать.

Хорошо, она подождет. Но Бог не может запретить ей искать смерти.

Мона собралась было двинуться обратно, но в этот момент в тишине раздался плач, который заставил ее вцепиться в корявый промерзлый березовый ствол.

Плач повторился, вызвав такой прилив адреналина, что Мона едва удержалась на ногах.

Он доносился со стороны огромного валежника, который находился правее от того места, где стояла Мона. Старая многовековая сосна разломилась надвое и погребла под собой еще с десятков деревьев, и теперь вся эта махина была похожа на лесной дом, со всех сторон укутанный снегом.

Мона сделала неуверенный первый шаг, а затем, взмахнув лыжными палками, двинулась вперед. Никаких следов вокруг валежника не было. Сдвинув в сторону лапник, она согнулась и заглянула в темное нутро «лесного дома». В нос

неожиданно терпко пахнуло животным духом. Несколько секунд Мона щурилась, пытаясь разглядеть хоть что-то, но когда наконец увидела, то застыла словно соляной столб.

ОНО лежало в гнезде из сосновых веток.

Мона дернулась, оступилась и повалилась набок. Рука ее пробила верхний слой снега и провалилась почти по плечо. Щека онемела, коснувшись ледяной корки.

- Господь всемогущий... - прошептала она и ухватилась за торчавшую ветку. Кое-как поднявшись, стащила рукавицы и протянула руки к гнезду. В груди ее мягко толкнулось и разлилось тягучим медово-горячим потоком. - Господь всемогущий... - снова пробормотала Мона и стала спешно расстегивать куртку. Замерзшие пальцы еле гнулись, костяшки побелели, но она совершенно не чувствовала холода. Внутри пылало так, что, если бы снег стал плавиться под ее ногами, Мона не удивилась бы этому. – Ты услышал меня, господи...

Ветки цеплялись за выбившиеся пряди и колко били по лицу, когда она склонялась над «гнездом».

Шершавые ладони с затвердевшими мозолями обхватили трепещущее тельце. Мона чувствовала удары маленького сердца под сероватой кожей. В мягких курчавых волосиках застряли рыжеватые сосновые иголки.

Глаза Моны защипало от выступивших слез. Она расстегнула куртку и пропахшую потом свалывшуюся кофту, а затем стала пропихивать ЭТО внутрь, стараясь обогреть своим телом.

ОНО смотрело на нее огромными зелеными глазами, морщилось, сжимало маленькие кулачки и...

Мона старалась не смотреть на то, что подрагивало щетинистой кисточкой прямо перед ее носом. Оно нуждалось в ней, в Моне, и она сделает все, чтобы спасти ЕГО...

Глава 3 Герти

«Высоко-высоко среди хребтов, под самым синим небом, далеко-далеко стоит высокая гора. Ни один человек не смеет приблизиться к ней. Древняя легенда гласит, что внутри той высокой горы спит безобразный тролль - Горный король. По легенде лишь одно может пробудить тролля ото сна – принцесса, которая не выйдет замуж до своего восемнадцатилетия. Хотели того принцессы или нет, но все короли вынуждены были искать женихов своим дочерям, чтобы не пробудить зло...»

Герти поерзала на сидении, устраиваясь поудобнее. Этот фильм она смотрела уже раза три по телевизору, но в кино-театре впервые. Все-таки большой экран, даже если он и не такой большой по столичным меркам, придает любой картине немного иное звучание, думала она, следя за приключениями сбежавшей принцессы.

Соня примостилась по правую руку, не особо интересуясь происходящим. Краем глаза Герти улавливала вспышки экрана ее мобильного телефона. Хихикая, Соня хрустела чипсами, умудряясь при этом отвечать на сообщения.

Герти вздохнула - все же было здорово наконец выбраться куда-то хоть на несколько часов, чтобы немного развеяться и сменить обстановку.

«Легенда гласит: если до восемнадцати лет принцесса не

выйдет замуж, Горный король проснется и утащит ее в свою пещеру. Он ее заколдует и оставит в рабстве до конца жизни...»

- А тот, кто спасет ее, получит принцессу и полкоролевства, - пробормотала она.

- Что? – ткнула ее локтем Сонья. – Извини, я тут с Улле переписываюсь. Приглашает завтра покататься на лодке. Поедешь?

- Нет, - качнула головой Герти. – Сезон в самом разгаре. К тому же, мой выходной сегодня.

- Это не выходной - это слезы, - хмыкнула Сонья, поджав губы. – Неужели тебе не скучно?

- Зачем тогда пошла со мной? – В ответ Герти тоже толкнула подругу плечом.

- Сама знаешь, - Сонья свела глаза к переносице и скривила рот. – Потому что ты горный тролль! И теперь я твоя рабыня!

Герти тихо рассмеялась.

- Что решила насчет учебы? - не отставала Сонья.

Картинки на экране сменяли друг друга, но Герти уже не следила за происходящим. Лицо ее помрачнело.

- Не в этот раз, - тихо сказала она. – Мама болеет, отцу нужна помощь в баре.

- Пф, - фыркнула подруга. – Кому нужен ваш захудалый бар?

- Не скажи, - оживилась Герти. – Туристов с каждым се-

зоном все больше и больше. Фру Мортсен сказала, что если построить несколько гостиниц, то люди будут приезжать гораздо охотнее. Флурё всего в десяти километрах от нас, а посмотри, как здесь много народу! – Герти покрутила головой, оглядывая зал.

Сонья пожала плечами:

- И кто же построит гостиницы? Уж не Хансен ли? Так он даже в собственную усадьбу не приезжает. Не обольщайся, подруга.

- Здесь так красиво! - убежденно сказала Герти. - Не представляю, что может быть лучше...

- Я не спорю, но не собираешься же ты всю жизнь месить тесто и подавать пиво заезжим рыбакам? В жизни столько всего интересного! Только представь, в августе я уеду в Тронхейм и вернусь лишь после сессии, к Рождеству. Кто станет смешить тебя и смотреть с тобой сказки? Ах да, у тебя же есть Берг. С таким не пропадешь, - она закатила глаза и с шумом смяла пустую упаковку из-под чипсов. – Я бы даже сказала...

- Что бы ты сказала? - спросила Герти, отрешенным взглядом уставившись в экран. Настроение падало с каждой секундой.

- Сама знаешь.

- Не понимаю, о чем ты. Мы знакомы с самого детства. Отец считает, что это очень хороший выбор.

- Отец считает! - передразнила ее Сонья. – А ты сама что

считаешь? – Следом за чипсами в ее руках оказалась большая шоколадная плитка. Отломив кусок, она сунула его Герти.

- Не хочу говорить об этом, - Герти запихнула шоколад в рот целиком и принялась жевать, чтобы скрыть, как задрожали губы.

В кармане джинсов ожил телефон. Увидев оповещение, Герти несколько секунд раздумывала, прежде чем открыть его.

«Где ты?»

- Это Берг? – моментально отреагировала Сонья. – Он что, следит за тобой?

Герти помедлила, но затем набрала ответ:

«Мы с Соньей в кино».

«Пришли селфи!»

«Серьезно?»

- Что ему нужно? – склонилась Сонья. Герти замутило от смеси запахов картофеля и шоколада.

- Ничего. Просто интересуется, где я.

- Хм. Напиши, что пошла на вечеринку и вернешься через неделю. Пусть поищет тебя.

- Он волнуется, - поспешила оправдаться Герти и посмотрела на экран.

«?! Я жду!»

- Да господи! - Она выставила перед собой телефон и сделала снимок. Вспышка ослепила. Фотография получилась

темной и мутной, но достаточной для того, чтобы понять: вот они с Соньей едят шоколад – подруга опять состроила гримасу, вгрызаясь в содержимое матовой фольги.

«Во сколько заканчивается сеанс?» - не отставал Берг.

«Фильм только начался!»

«Что смотришь?»

«Эспен в королевстве троллей» *.

Герти ждала, что Берг выскажется и по этому поводу, но телефон молчал. Представляла, как сейчас он смеется над ней, и ничего при этом не чувствовала. Вернее, не чувствовала того, что могло бы как-то обидеть или порадовать ее.

Берг был старше на три года, работал на семейной лесопилке, которая снабжала лесом всю округу, и много чего понимал в жизни. Кажется, все вокруг понимали гораздо больше, чем она. Вот и Соня своими словами разбредила и заставила ее вновь сомневаться во всем – будто у Герти не было своей головы на плечах!

Она провела пальцем по заставке на своем телефоне – фото было сделано совсем недавно, на выпускном балу старшей школы. Берг – высокий и крепкий, с волевым подбородком и коротким ежиком темно-русых волос, надел по этому случаю темный костюм и белую рубашку. Это определенно был достойный уважения жест с его стороны по отношению к происходящему, ведь в обычной жизни Берг был без ума от кожаных штанов и жилеток. Впрочем, как и от своего мотоцикла. Где-то рядом с его черной глянцевой «Хондой» было

и ее место. Почетное, по меркам знающих Берга людей.

Что ж, где-то она даже понимала Берга, потому что сама любила свой скутер, на покупку которого пришлось уговаривать отца полтора года. Не потому, что тот был скуп или пекся о ее безопасности, а потому что он, так же как Берг, любил контролировать всех и вся.

Как же ее угораздило попасть на этот крючок? - в который раз кольнуло сознание, но Герти старательно подавила возникшее раздражение.

- Пойдем отсюда, - сказала она, вставая.

Соня будто только этого и ждала.

- Завалимся в кафе? - предложила она.

- Нет, - пригнувшись, Герти пошла к выходу.

В холле кинотеатра она достала ключи от скутера и подбросила их в руке:

- Поехали на озеро? Искупаемся.

Соня оттянула резинку блузки на груди:

- У меня нет купальника, но когда это нас останавливало, да? Реально жарко.

- Именно! - подтвердила Герти, тряхнув выющимися с каштановым оттенком волосами. Карие глаза ее задорно сверкнули - Соня совсем незачем было знать, почему она позвала ее на озеро.

Когда, щурясь от света, они вышли из кинотеатра, Герти оглядела улицу. Народу было много - туристов можно было отличить от местных только по фотоаппаратам, которые они

не выпускали из рук. В сотне метрах от кинотеатра находилась городская ратуша, а главная улица вела к площадке, с которой можно было увидеть маяк и утыканный разномастными катерами и лодками причал.

Нахлобучив шлем, Соня облизывала испачканные шоколадом пальцы и не обращала внимания на внимательную сосредоточенность подруги. Наконец, оседлав скутер, Герти вставила ключи в гнездо. И именно в этот момент в отдалении послышался ревущий звук нескольких моторов.

- Держись крепче, ладно? - Герти застегнула шлем и вытерла ладони о джинсы. Когда руки Сони сомкнулись на ее талии, она поставила ноги на подножку.

Рев мотоциклов был все ближе.

- Попробуй найти меня, Берг Йоргенсен, - пробормотала Герти, выкруливая на дорогу.

«Эспен в королевстве троллей»* - фильм-сказка 2017г, производство Норвегии.

Дорога из Флурё извивалась вдоль побережья, огибая массивные скалистые выступы и холмы, усыпанные аккуратными разноцветными домиками с травяными и черепичными крышами, стеклянными коробками современных вилл и роскошным буйным ковром зелени, уходящим под самое небо – туда, где виднелись величественные и прекрасные пики Норвежских гор.

Каждый раз, разглядывая окружающие ее красоты, Герти испытывала восторг и гордость. Невозможно было даже подумать о том, чтобы уехать жить в какое-то другое место. Здесь она любила все – и долгую зиму, когда воздух становился хрупким и прозрачным словно стекло, и многодневные осенние дожди, и желто-красные деревья на фоне белоснежных гор, и неторопливую, но уверенную в себе весну. Лето же было поистине волшебным – природа торопилась показать все, на что способна, и казалось, что люди вокруг становились еще счастливее, согреваясь в лучах сдержанного местного солнца.

Сольворн – небольшой городок, выросший на месте одноименной деревушки, находился к северу от дороги, в укрытой от ветров горами и лесами живописной низине на берегу Волчьего озера.

Название, разумеется, не соответствовало действительности – сейчас уже никто и вспомнить не мог, когда в последний раз в округе видели волка. Но если взобраться на поросшие мшанкой скалы, то можно было увидеть место, где края озера заметно сужались, образуя похожий на перетянутую веревкой кишку отрезок. И на самом высоком берегу его находился Медвежий лог, где, как говорили старожилы, водилась нечистая сила.

Впрочем, никто уже не верил старым рассказам, просто лес и скалы настолько сплелись между собой, что свет почти не проникал вглубь Медвежьего лога.

"Дикий лес, не пригодный даже для обработки!" - фыркнул Берг, поглядывая на вековые дубы.

Но Герти знала, что он принадлежит семье Хансенов, а по сему: нравится это Бергу или нет, никто не смеет запустить туда свои руки.

Повернув на горную дорогу, Герти бросила взгляд на простирившееся внизу море. Синяя гладь была изрезана каменными выступами, и ленивые волны словно нехотя кидались на них, чтобы затем отступить, оставляя серые хлопья пены на черных камнях.

Иногда с отвесных скал отламывались куски, и казалось, будто это горный тролль, скучая, специально бросает камни в воду. Взобравшись повыше, можно было всласть насладиться видом на Согне-фьорд. И все же, Герти нравилось именно Волчье озеро. Вода в нем была холодной, но кристально чистой. Зимой Волчье покрывалось льдом, и на лыжах по нему можно было сократить путь до моря. Можно, но как только появились предупреждающие таблички, местные довольно быстро приняли новые правила. А что до туристов и рыбаков, так никто за ними не следил. Предупреждение не есть запрет.

В сущности, озеро и было главной достопримечательностью Сольворна. Отремонтированная церковь могла похвастаться лишь двумя сохраненными каменными стенами и табличкой с указанием того, что реставрация была произведена на деньги Якоба Хансена.

Герти однажды видела его, когда он в качестве приглашенного гостя посещал их среднюю школу. Суровый немногословный старик, которого явно раздражало большое количество людей вокруг. Поместье Хансенов стояло особняком, выше и ближе к изножью гор. Оттуда в Медвежий лог можно было добраться быстрее, чем через озеро. Однако, никто даже подумать не мог, чтобы потревожить владельца земли.

Поэтому в теплое время туристов возили в лодках, накачивая их байками о горных троллях и хюльдрах, чтобы потом, отдохнувшие и притихшие, они хорошенько подкрепились в баре ее отца, Туве.

Скутер весело тархтел, вскоре показался город, а следом и озеро. Миновав поворот, Герти выехала на проселочную дорогу. После того, как она закончилась, еще несколько сотен метров двигались в траве. Высокие стебли били по рукам, и Сонья повизгивала за ее спиной, отчего и сама Герти ойкала и смеялась. Остановку сделали чуть ниже, там, где как раз начиналось сужение озера.

- Если ты не против, я сплываю на тот берег, - предложила Герти, замороженно вглядываясь в голубоватую воду.

Сонья присела на корточки и, намочив ладони, обтерла ими лицо и шею.

- Уверена? - с сомнением в голосе спросила она.

Герти стащила рубашку и взялась за пуговицу джинсов.

- Видишь - там береговой выступ? До него всего метров двести... или двести пятьдесят. Думаю, я смогу добраться до

него минут за пять.

Сонья пожала плечами:

- Лично я даже смотреть туда не хочу.

- Это почему же? Только не говори, что боишься нечистой силы! - фыркнула Герти, разглядывая темнеющие на скалах заросли.

- Вот еще, - Сонья бросила блузку на траву и потянулась: - Ничего я не боюсь. Только скажу тебе одно: люди зря болтать не станут.

- Сонья, я надеюсь, ты не написала в эссе*, что полна предрассудков?

Подруга хмыкнула и легла поверх блузки. Закусив в зубах стебелек, она ответила:

- Ни в какие сказки я не верю, но скажу тебе так: моя бабка рассказывала, что когда ее мать полюбила деда, то подумывала о том, чтобы попросить помощи у... - почесав нос, Сонья рассмеялась. - Ну, у тех, кто живет в Медвежьем логое...

- И кто же там живет? - Герти вылезла из джинсов и на цыпочках подошла к воде.

- Типа горные ведьмы...

- И?

- Не знаю. Только дед женился на ней.

- Что же в этом странного? Наверное, он тоже полюбил ее. К чему такие сложности?

- Ты не видела мою прабабку, - пояснила Сонья. — Вот уж кому красоты не досталось от слова вообще. Чистый

троль... - она задумалась. - Может, это в нее я такая?

- Какая? - стоя в воде по колени, Герти обернулась. - Ты в своем уме?

- Ну... у меня же нет такой фигуры, как у тебя. И волосы у меня... - Соня подергала себя за пряди у висков. - Мышечные.

- Спроси об этом Улле, когда завтра отправишься с ним на лодке. И вообще, с чего бы горным ведьмам стараться ради твоей бабки? Ты же знаешь, их интересуют только мужчины, - сказала Герти.

- Всех интересуют мужчины, - хихикнула Соня. - Даже других мужчин.

Коротко выдохнув, Герти нырнула и поплыла. Тело покалывало иглами, но она упорно гребла, держась выбранного маршрута. Когда в метре от нее, подняв фонтан из радужных брызг, выскочила озерная форель, Герти перевернулась на спину и уставилась в небо.

"Если бы я была хюльдрой, то выбрала бы себе самого лучшего..." - внезапно подумала она и вдруг отчетливо поняла, что это был бы не Берг. Замешательство, охватившее ее в этот момент, обожгло и сбilo дыхание. Тело отяжелело, и Герти, успев глотнуть воздуха, погрузилась в воду с головой. Вынырнув, она стала судорожно работать руками и ногами, пока наконец не оказалась у скалистого выступа. Ухватившись за него, она подтянулась и прижалась щекой к нагретой шершавой поверхности. Ее трясло.

Цепляясь за трещины в скале и обдирая колени, Герти вылезла на маленькую площадку, где едва поместились ее ступни, и задрала голову.

С верхушки дерева сорвалась какая-то птица - Герти услышала шум взмаха больших крыльев, но не увидела ее. Странное чувство охватило душу - ей показалось, что там наверху, кто-то наблюдает за ней. И если Медвежий лог действительно был полон тайн, то сейчас Герти почти поверила в это.

Эссе* - Мотивационное письмо, написанное в свободной форме, прочитав которое приёмная комиссия должна понять, почему именно этот кандидат должен претендовать на поступление в университет.

... Прижимаясь затылком и спиной к неровной поверхности, Герти ощущала, как что-то тягучее и темное поднимается вверх по ее ногам, сковывая и лишая воли. Приложив ладонь к животу, она отдалась этому незнакомому чувству, доверчиво вникая и не сопротивляясь. Кожа таяла в солнечных лучах, ноздри щекотал запах свежей воды, который оседал в ее горле сладковатым нектаром. Когда ветерок коснулся ее губ, Герти зажмурилась и чуть подалась вперед, желая продлить это легкое, но так похожее на поцелуй, касание.

Щеки опалило жаром, вырвав из груди негромкий стон. Она сглотнула и во мраке своего разгоряченного сознания

вдруг обнаружила себя рядом с кем-то настолько необходимым ей, что сердце ее едва не разлетелось на миллиард огненных осколков.

Это не могло быть правдой! И это не могло быть ложью... Что-то непонятное творилось с ней, с ее сознанием и телом. Будто кто-то сейчас был так близко, что она могла протянуть руку и дотронуться до него. И от этого внезапного порыва у нее зашипало кончики пальцев и пронзило острой судорогой словно от электрического разряда.

Сквозь нарастающий гул в ушах до нее донесся крик Со-
нии:

- Герти!

Покачнувшись, она едва не упала в воду.

Тяжело дыша, растерянно огляделась. Нижнее белье было уже сухим, лицо пылало, будто она приложилась им к раскаленной сковороде. Убрав со щеки прилипшую прядь, Герти несколько раз сжала и разжала кулаки, пытаясь прийти в себя.

Все вокруг замерло, погрузившись в странное оцепенение. Герти с трудом заставила себя отцепиться от скалы и прыгнуть в воду. Озеро приняло ее в свои объятия, остужая разомлевшее тело и словно призывая вернуться обратно в действительность.

- Ты напугала меня! – воскликнула Соня, когда Герти оказалась в метре от нее. Уперев руки в бока, она качала головой и выглядела по-настоящему обеспокоенной.

- Ну что ты... Я же только туда и обратно, - ухватившись за траву, Герти вылезла на берег и упала ничком. Колени ее дрожали, хотя холода она не чувствовала. Наоборот, ею овладело какое-то фантастически приятное тепло, которое не могло сравниться ни с одним известным ей.

- Туда и обратно? – покрасневшее лицо Соньи загорело солнце. – Ты шутишь? Я прождала тебя больше часа!

- Что? – Герти шевельнулась и вытянула руки над головой, не желая расставаться с этой истомой. – Не выдумывай, ладно?

- Ты стояла там, на скале, - выпуклые глаза Соньи округлились еще больше, - а я звала и звала тебя. С тобой все нормально?

- Час?... - прошептала Герти и нахмурилась. – Нет, я только... - она наконец села и потерла лицо. – Черт, надо ехать. Я обещала, что вернусь к шести.

- Уже половина седьмого, - ответила Сонья, скосив глаза на часы на своем запястье. – Тебе надо обсохнуть.

- Нет-нет, - прыгая на одной ноге, Герти уже судорожно натягивала джинсы на мокрое тело. Светлая рубашка намокла на ее груди и плечах. Кое-как отжав волосы, она запихнула балетки в задние карманы и босиком понеслась к скутеру. Сонья, бросив неприязненный взгляд в сторону скалы, передернула плечами и направилась следом.

Возвращаться было тяжело - скутер то и дело попадал в какие-то ямки, трава невыносимо кололась, оставляя на ко-

же красные отметины, а главное - чувство эйфории исчезло, оставив место безотчетному страху. Ехали молча. Герти, закусив губу, смотрела прямо перед собой и думала о том, что скажет отцу. Ей было стыдно от того, что она подвела его.

- Нет, не его... - прошептала она и крепче сжала руль.

- Ты что-то сказала? - спросила Сонья.

- Тебе показалось! - привычно ответила Герти, и Сонья крепче сжала ладони на ее талии. - Но знай, что ты мой самый лучший друг!

- Самый лучший и большой, да? - ущипнула ее Сонья.

- Как скажешь!

Встречный ветер трепал их волосы, и Герти, сосредоточившись на дороге, почти выкинула из головы все то, что привиделось ей на озере. Жизнь гораздо проще, думала она. И незачем придумывать того, что вряд ли когда-нибудь произойдет.

Впереди ехал "фольксваген-каравелла" лимонного цвета. Поравнявшись с ним, Герти помахала рукой:

- Привет, Али!

- Герти! - гортанно ответил чернокожий водитель и белозубо улыбнулся. - Твои волосы мокрые!

Она кивнула, сожалея, что не успеет высушить их до приезда домой.

- Ты с парома? - спросила она, перекрикивая шум мотора.

- Да! Полетел водонагреватель, везу новый!

Герти кивнула и только тут заметила чью-то голову,

уткнувшуюся в оконное стекло пассажирского сидения. Рваная светлая челка свешивалась на лицо, а приоткрытый рот явно указывал на то, что пассажир "фольксвагена" спит. Однако, судя по тому, что Али не особо заботился о тишине, она снова крикнула:

- Это твой друг?

- Нет, он попросил отвезти его в город. Турист! - рассмеялся Али и прибавил музыку.

- Это хорошо! - подмигнула Герти и, прощаясь, нажала на клаксон.

Парень на заднем сидении вздрогнул и сонно прищурился. Герти успела заметить, что у него светлые глаза и, судя по недовольной мине, довольно скверный характер.

Она завезла Соню к ней домой и перекинулась парой слов с ее матерью. Отказалась от приглашения выпить чего-нибудь или поест печенья, хотя на самом деле ей именно этого и хотелось - сидеть с Соньей и ее матерью в саду и говорить о всякой ерунде. Она могла бы съесть целую горю печенья в сухоматку, лишь бы отдалить момент встречи с отцом.

Поставив скутер под навес, Герти пригладила растрепавшиеся, мокрые еще на концах волосы, и пошла по дорожке к дому. Ладони ее были влажными от волнения. Взглянув на окна матери, она облизала пересохшие губы.

Дверь открылась, и на пороге возникла высокая фигура Туве.

- Папа, я... - В нерешительности Герти замерла, пригвожденная взглядом отца.

- Где ты была? - голос его был обманчиво спокоен.

- Я...

- Она была со мной. Мы ездили в кино. - Непонятно откуда появившийся Берг обхватил ее за плечи и прижал к себе.

Туте кивнул и, кажется, даже одобрительно улыбнулся.

- Что ж, может тогда выпьем с тобой пива, пока Герти будет приводить себя в порядок?

Она вывернулась из крепких рук Берга и проскользнула мимо отца, поморщившись от запаха спиртного.

- С удовольствием! - ответил Берг. - У меня был чертовски трудный день.

Глава 4 Эрик

Звук клаксона выдернул Эрика из мутной сонной дремоты. Сжав ладонь на грифеле прижатой к груди гитары, он посмотрел в окно и не сразу сообразил, где находится. Параллельно автомобилю, в котором он находился, двигался белый скутер с двумя девушками. Вернее, он не сразу увидел первую за впечатляющим задом второй, но, когда та помала рукой водителю и обернулась, Хансен успел заметить мокрое пятно на ее груди и маленькую босую ступню.

Откинувшись на спинку сидения, он покрутил головой, разминая шею. Все, что произошло с ним, за последние сутки, сейчас виделось как бы со стороны. И эта сторона была темной. Такой темной, что даже солнце было не способно прорваться сквозь поселившийся внутри мрак.

У Эрика был вполне жизнеспособный план, который, если подойти к нему с умом, способен был не только вернуть его обратно в Калифорнию, но и утереть нос отцу. Мысли об этом, однако, не приносили должной радости. Злорадство, которое подстегивало его еще в Осло, несколько поутихло во время пути, и сейчас Эрик испытывал гремучую смесь из гнева, стыда и некоторого восхищения тем, как отец поступил с ним.

Когда он вошел в здание "Хансен-индастриал", три огромных чемодана стояли в комнате охраны в пыльном углу, буд-

то принадлежали не сыну владельца компании, а бедному родственнику, приехавшему в надежде получить хоть какую-то работу из милости. Сбоку примостилась гитара, а сверху лежала кожаная папка, в которой оказались его документы и портмоне. Эрик вскипел, когда понял, что замок в его комнату, вероятнее всего, вскрыли. Хотя, по сути, комната ведь ему уже не принадлежала, так что возмущение его выглядело по меньшей мере смешно.

Охранники не обращали на него никакого внимания, консьерж с вежливой улыбкой указал на вещи и скрылся за внутренней металлической дверью. Краем глаза Эрик заметил несколько экранов, на которых транслировались записи видеокамер. Он усмехнулся, представив, какое захватывающее кино с его участием они смотрели совсем недавно.

Впрочем, усмешка получилась кривой – эти люди, в отличие от него, честно отрабатывали свой хлеб. И никто бы из них не понял, зачем и почему он все это делал... И, судя по их вежливым, но отстраненным лицам, понимать не собирался.

Шаткая конструкция по низложению авторитета отца, старательно воплощаемая Эриком, рассыпалась, словно карточный домик, руками самого Ари. И все же, некоторое удовлетворение от происходящего Эрик получил – вряд ли Хансен-старший сможет теперь спать спокойно, зная, как его сын хочет поступить с его родовым гнездом.

Открыв портмоне, Эрик пробежался пальцами по нескольким завалывшимся банкнотам, о наличии которых

даже не помнил. Все это время он пользовался картами, которые лежали в специальном кармашке. Вот только теперь каждая из них была аккуратно разрезана пополам. Эрик не сомневался - то же самое произошло и с его онлайн счетами. Ари был последователен не только в словах, но и в поступках. И Эрик об этом знал, пожалуй, лучше всех.

Чемоданы так и остались стоять у стены. Взяв гитару и документы, он направился в аэропорт, чтобы улететь в Фёрде, откуда планировал добраться уже до Сольворна. Большая часть наличных ушла на билет. Через три часа ожидания и двух часов перелета ему пришлось преодолеть приличное расстояние до речного вокзала, чтобы сесть на паром. Именно на него ушли практически все оставшиеся деньги. Можно было перехватить у кого-нибудь из знакомых хотя бы несколько сотен на первое время, но подобное унижение, как оказалось, ему было не по карману. Для себя он решил, что главное – это добраться до поместья деда. А там он спокойно разживется тем самым наследством – продаст дом и земли, а затем свалит в закат, чтобы начать новую жизнь.

...Скутер помчался дальше. Эрик окончательно проснулся и теперь смотрел по сторонам под звуки этнической музыки из магнитолы водителя.

Первый и последний раз он посетил Сольворн в шестилетнем возрасте. Во всяком случае, именно тем годом была датирована фотография в кабинете отца. На ней они были втроем - Ари, Эстер и Эрик. Стояла ли она до сих пор перед

глазами отца, он не знал. Долгие годы Эрик пытался смириться с тем, что матери не было рядом, довольствуясь скудным отцовским: "Ей пришлось уехать". Затем он пробовал найти хоть какую-то информацию о ней, но все его попытки не увенчались успехом. Официально отец с матерью были в разводе, и очень скоро Эрик пришел к выводу, что тот просто-напросто избавился от нее как от надоевшей наложницы, запретив общаться с детьми. Вероятно, у него было достаточно доводов, чтобы Эстер не вступила с ним в борьбу. Молчаливый и сдержанный Ари Хансен умел быть по-настоящему жестоким.

И было в кого.

"Фольксваген" затормозил у покрашенного красной краской домика, во дворе которого с криками носились дети. Эрик вышел и растерянно огляделся.

- Сколько я тебе должен? - спросил он водителя.

- Поможешь вытащить? - ответил тот, кивая на багажник.

Дети с визгом кинулись к мужчине и повисли на нем как шары на рождественской елке.

- Тебе есть, где остановиться? - улыбнулся водитель, обращаясь к Эрику.

- Конечно, - сдержанно кивнул тот.

Вместе они вытащили коробку и донесли до двери дома.

- Поместье Якоба Хансена... - начал Эрик.

- Это там, - указал мужчина в противоположную от дома сторону.

Попрощавшись, Эрик зашагал прочь, думая о том, что выбранный им путь самый правильный. Пора было разделаться с наследием отца с помощью наследства деда. Ни тот, ни другой, не любили его мать. Но теперь у него будет достаточно возможностей, чтобы разыскать ее.

Закат над Сольворном был похож на полупрозрачный мятно-малиновый леденец. Теплый воздух, напоенный дневными ароматами, быстро свежел. Эрик разглядывал аккуратные строения, напоминавшие сказочные пряничные домики, и с удивлением ощущал, как внутри просыпается давно забытая тихая радость. Это было странное чувство, сравнимое разве что с возвращением из долгого муторного путешествия, но Сольворн не был его домом, и делать его таковым Эрик Хансен не собирался.

По дороге его внимание привлекла лютеранская церковь. Частично сохранившиеся стены были достроены и отремонтированы лет двадцать назад, и сделано это было действительно хорошо. Подтянув гитару повыше, Эрик остановился, разглядывая побелевшие от времени камни, узкие зарешеченные окна и простой строгий крест на остроконечной крыше. Из любопытства подошел ближе, чтобы прочесть надпись на медной табличке, и хмыкнул, когда увидел имя Якоба Хансена.

Надо же, оказывается, старик еще при жизни усердно работал над тем, чтобы расчистить себе дорогу в рай! Будто

не догадывался, что на это у него никогда бы не хватило ни средств, ни жизни, ни старых церквей...

И все же Эрику было приятно видеть фамилию Хансен на табличке. Возможно, когда-нибудь и он сможет оставить свой след на этой земле, и потомки будут чтить его поступки, не думая о том, какой сволочью он мог быть для своих близких.

Широкие улочки, аккуратные газоны, постриженные кусты, садовые тролли, полотняные качели и беленые горшки с цветами вдоль дорожек - все это было так не похоже на то, к чему он привык. Когда где-то рядом застрекотал кузнечик, Хансен вздрогнул – давно забытое всколыхнулось в нем и затрепыхалось в грудной клетке, словно желая вырваться на свободу.

Эрик попытался восстановить сбившееся дыхание - это не могло быть правдой, но это не могло быть и ложью. То, что доставляло когда-то радость и боль, сплелось в запутанный клубок, размотать который ему было пока не по силам.

Желудок свело от голода, и воды в бутылке осталось ровно на один глоток. Сделав его, Эрик смял хрупкий пластик и кинул его в одну из урн, стоявших неподалеку. Каково расстояние до поместья он не знал. За время пути телефон сел, а зарядить его на пароме он попросту не додумался, погрузившись в сонное полубытьё, навеянное морским воздухом и плеском волн. Он сознательно не пошел внутрь вместе с другими людьми, а остался сидеть на истертых ступенях,

ведущих на открытую зону, куда поднялись несколько пассажиров. Море выглядело спокойным, но Эрик знал, что все может измениться в любую минуту.

Когда береговая линия приобрела четкий вид, став похожей на кусок пирога, утыканный, словно шпажками для канапе, катерами, лодками и мелкими суденышками, - он увидел чаек. Полчища птиц носились вокруг, оглашая пространство резкими пронзительными криками, от которых обручем сжимало черепную коробку. Невозможно было даже представить себе море без чаек. Но как он любил бескрайние просторы, так же ненавидел и этих глупых птиц...

Всю свою жизнь Эрик считал, что эта фобия родилась вместе с ним. Шум крыльев раздражал и преследовал, и ему приходилось очень стараться, чтобы не поддаваться страху. Вот и сейчас он отвел глаза, ожидая, когда пройдет паническая атака. Первые минуты были самыми напряженными, затем, как правило, приступ несколько ослабевал, особенно, когда у Эрика была возможность покинуть место, облюбованное пернатыми. Он уже хотел встать и уйти в пассажирский зал, когда одна из чаек опустилась на деревянное покрытие прямо перед ним.

Переступая перепончатыми лапками, она смотрела на него, будто ждала чего-то. А Эрик замер, не в силах пошевелиться. Что-то было в ее янтарных глазках, и он почти вспомнил, что именно, но в следующую секунду чайка широко раззявила желтый клюв, а он отшатнулся, едва не уда-

рившись головой о поручень.

- Наглые мусорщики, - раздался чей-то голос, и птица, испугнутая взмахом руки, резко поднялась в воздух. - Ждут, когда кто-нибудь достанет свою еду, чтобы выхватить ее прямо из рук. Один раз я видел, как они атаковали ребенка. Мерзкие птицы.

Эрик посторонился, пропуская говорившего. Им оказался чернокожий мужчина в простых льняных штанах и такой же блузе. Запястье его украшал браслет из крупных красных бусин.

- Да, мусорщики... - согласился Эрик и перекинул через голову ремень гитары. – Это ведь Фьёрде? – указал он на берег.

- Да. - Мужчина достал из кармана ключи от машины, с изображением полумесяца и пятиконечной звезды на брелке.

- А Сольворн далеко отсюда? Как туда проще всего добраться?

- Проще всего? – удивился мужчина. – Наверное, со мной. – Он оглядел Эрика и улыбнулся. – Думаю, такси тебе не по карману.

... Что ж, можно сказать, ему повезло. Осталось только добраться до поместья и как можно скорее решить вопрос с продажей.

Бар «У Туве» Эрик заметил не сразу, скорее почувствовал – голод так обострил все рецепторы, что запах кофе бук-

важно привел его на порог заведения. Открыв дверь, он зашел внутрь и огляделся. Обстановка ему понравилась - деревянные столики и крепкие скамьи, коричневые грубо обтесанные балки по потолку, пара бочек с латунными кранами, доски с написанным мелом меню, большая дровяная печь и большой круг для дартса в углублении противоположной стойке стены. В подобных городках вероятно было не в чести накачиваться спиртным прилюдно, поэтому перечень напитков не особо впечатлял, да и цены на них были, скорее всего, вполне столичными. Внимание Эрика привлекла витрина с выпечкой и бутербродами, у которой он остановился, сглотив вязкую слюну.

- Добрый вечер, - обратилась к нему невысокая крепкая женщина. - Чего бы тебе хотелось? - Между делом она взглянула на часы и покачала головой.

- Эм... - Эрик достал портмоне и высыпал на ладонь оставшуюся мелочь. - Булочку?

- Могу предложить только остатки утренней выпечки. У Герти сегодня выходной, так что выбор не богат.

- Ну не знаю, что-нибудь на эту сумму... - Эрик высыпал мелочь на прилавок. Несколько монеток со звоном разбежались в разные стороны.

Если женщина и была удивлена, то виду не показала.

- Я дам тебе... - она потянулась щипцами к подносу.

В этот момент хлопнула входная дверь.

- Берг, я не хочу об этом говорить! Пожалуйста, не сейчас,

ладно?!

Барменша шумно выдохнула и подняла голову:

- Гerti, я думала, ты уже не придешь!

- Я уже здесь, Мари! Дай мне еще пару минут, пожалуйста!

Эрик обернулся, но увидел только спину вбегавшей в служебное помещение девушки.

- Привет, Мари! – Рядом с ним оказался высокий плечистый парень в кожаном жилете. Бросив изучающий взгляд на Эрика, он икнул и потер подбородок.

- Держи, парень!

Перед Эриком оказался пакет. Внутри него было несколько "сколеболлер" - булочек с кремом и кокосовой посыпкой. Когда Эрик учился в начальной школе, их частенько готовила приходящая кухарка.

- Далеко ли отсюда дом Якоба Хансена? - спросил он у женщины.

- Дом Хансена? - она и парень переглянулись.

- Тебе зачем? - парень развернулся к Эрику.

- Меня интересует Медвежий лог, - ответил Эрик уклончиво.

- Он всех интересует, - ухмыльнулся парень. - Дай-ка угадаю: ты где-то наслушался рассказов о том, что там происходит, и теперь хочешь проверить это на себе?

- Берг, не пугай его, - вполголоса проговорила женщина. - Все знают, что это всего лишь байки. - Она обратилась к Эрику: - Утром можно нанять лодку на озере. Стоит это недо-

рого, но посмотреть действительно есть на что. А поместье Хансена в полумиле отсюда. Нет смысла идти туда вечером. В горах темнеет быстро.

- Спасибо. Я все же прогуляюсь.

- Пошли, мне тоже в ту сторону, - хмыкнул парень по имени Берг.

Глава 5 Герти

Звякнул дверной колокольчик. На ходу завязывая фартук, Герти выглянула в окно и направилась к стойке.

- С кем это ушел Берг? – спросила она, выдыхая.

- С каким-то парнем, - пожала плечами Мари. – Бедняга так оголодал, что готов был глазами съесть все, что было на витрине. – И денег у него, похоже, кот наплакал.

- Надо же... – Герти покачала головой. – Ты могла бы дать ему что-то за счет заведения.

- Вот еще, - фыркнула Мари. – Я взяла с него ровно столько, сколько стоили булочки с кремом. Но я тебе скажу так: кажется, твои булочки стоят гораздо дороже, - она усмехнулась и взъерошила пятерней короткие волосы.

- Не понимаю, о чем ты, - отмахнулась Герти. – Цену мы устанавливаем такую же, как...

- Не понимает она! Берг не отходит от тебя ни на шаг, будто приклеенный! – вскинула брови Мари. – Меня не проведешь. Если парень не получает того, что хочет, то выглядит как идиот.

- Вот как? – Герти заглянула внутрь витрины, старательно пряча лицо. – А если получает?

- Тогда как напыщенный идиот. Но, судя по физиономии Берга, ты держишь его на сухом пайке.

- Мы не будем с тобой обсуждать аппетит Берга, ладно?

Тем более, ты знаешь, как мой отец относится к...

- Ха! - Всплеснула руками Мари. – Кого и когда останавливали родительские запреты? Мы живем в свободной стране, и ты имеешь право спать с кем хочешь. Но, видать, дело совсем не в Туве. Или вообще не в нем. Я права? – Мари положила руку на ее плечо.

Когда-то Мари училась в одном классе вместе с ее матерью, поэтому каждый раз, когда она "ненавязчиво" интересовалась ее жизнью, Герти нервничала. Знала, что Мари относится к ней по-дружески, но обсуждать отношения с Бергом ей не хотелось даже с Соньей.

Густо покраснев, Герти стала судорожно складывать булочки в пакет.

- Осталось пять штук, - пробормотала она, чтобы перевести тему.

- С минуты на минуту приползет фру Кламме и заберет все, что есть, к вечернему чаю. Она такая сладкоежка! Так что, сделай утром на десяток больше.

- Хорошо, - кивнула Герти. – Ты иди, Мари, тебя ждут. Мальчишки, наверное, перевернули дом вверх ногами, - добавила она, представив троицу шалопаев-погодков. От своего мужа Мари ушла, как только родила третьего, что не мешало им хорошо общаться и устраивать семейные праздники.

- Да, я уйду, вот только... - женщина придержала Герти за локоть. – Послушай меня, дорогая, я видела, каким может

быть твой отец. А твоя мать когда-то была моей подругой. Сольвейг с самого начала знала, что он за человек, - она откашлялась. – И если ты думаешь, что что-то изменится, то зря. Берг, конечно, не идеальный, но все же он единственный, к кому Туве хорошо относится. Он заберет тебя в свой дом, и тебе не придется все время отчитываться перед отцом.

- Конечно, ведь тогда я буду отчитываться перед мужем, - неожиданно для самой себя сказала Герти. Прижав ладонь к губам, она нахмурилась, заметив удивленный взгляд Мари.

- Это уж как ты сама решишь. Не думала уехать из Сольворна? - предложила Мари и закинула за спину небольшой рюкзачок, который подходил к ее спортивному стилю.

- Куда же я поеду? – в сердцах Герти с силой дернула витринное стекло. – И потом, мама... Ну как я ее брошу? – она хотела было добавить: «с ним», но в этот момент дверях действительно появилась фру Кламме.

- Герти, я уже бегу, - опираясь на трость, заявила пожилая дама.

- Все готово, фру Кламме, - Герти протянула пакет.

- Кстати, если постоянно есть сладкое, то... - влезла Мари.

- Мой зад слипнется, и я умру, переполненная собственным дерьмом! Можешь не напоминать мне об этом, несносная девчонка, - погрозила фру Кламме крючковатым пальцем в сторону Мари.

- Ну хоть для кого-то я еще девчонка, - состроила грима-

су Мари. - Всем пока! И приятного аппетита, фру Кламме! Надеюсь, увидеть вас завтра в добром здравии.

- Надеется она, - фыркнула старушка, забирая пакет.

- Ох, Лотта, как же я тебя люблю! - обняла ее Мари. - Лучшая учительница, которую я только могла желать для своих парней!

- А ты - худшее, что могло случиться в моей карьере! - рассмеялась фру Кламме. - Кажется, именно после твоего появления в классе, я пожалела, что пошла работать в школу.

- Это была любовь с первого взгляда! - расхохоталась Мари и вышла из бара.

- Пока! Увидимся! - Герти перевела взгляд на фру Кламме.

Больше всего ей хотелось сейчас остаться одной и подумать над тем, что случилось на озере. С одной стороны, ничего не произошло, но с другой...

... Переодевшись в своей комнате, она на цыпочках спустилась вниз, чтобы проскользнуть мимо кухни. Но у Берга словно глаза были на затылке. Облизав пивную пену с губ, он направился к ней и, взяв за руку, оглядел с ног до головы:

- Мне нравится, когда ты носишь платья. Станешь моей женой, забудешь про джинсы и скутер.

- Вот как? - огрызнулась она. - Может я сама буду решать, в чем мне ходить?

Туве, откинувшись на спинку стула и широко расставив ноги, хмыкнул и исподлобья посмотрел на нее:

- Не припомню, чтобы я учил тебя дерзить.

- Я просто хотела сказать, что...

- Смотри, Берг! Если она сядет тебе на шею, не зови меня вправлять ей мозги.

- Уверен, что она будет послушной жёнушкой, - ответил Берг. - Правда, милая?..

...Герти почувствовала, как г горлу подступает тошнота. Странно, что раньше она не замечала этого. Берг казался ей сильным и по-настоящему мужественным. Вероятно, он таким и был, но что-то сломалось в ней, и вернуться обратно никак не получалось.

- Ты сегодня какая-то другая, - заметила фру Кламме и стала рыться в матерчатом кошельке.

- Не надо, это подарок, - остановила ее Герти.

- А что скажет твой отец? – подслеповато прищурилась женщина.

- Ничего, - коротко ответила Герти и стала переставлять тяжелые пивные кружки на стойке, чтобы протереть поверхность под ними. Внезапно из-под тряпки выскочила монета и Герти, поймав ее на лету, зажала серебристый кругляш в кулаке.

- Ты не обманешь меня, Герти Улафсен, - довольно произнесла старушка и, надорвав одну из булочек, начала с шумом высасывать крем. – Я знаю, чего стоят эти подарки.

Герти сжимала ладонь и не могла сказать ни слова. Кожу пекло, будто это была вовсе не монета, а печной уголек. По

руке побежали мурашки, а сердце пропустило удар. Она разжала пальцы и с удивлением посмотрела на пять крон.

Фру Кламме зашаркала к двери, но Герти вдруг перегнулась через стойку и быстро спросила:

- Правду говорят про Медвежий лог?

Старушка остановилась. Герти увидела ее отражение в стекле двери.

- Какую правду?

- Вы знаете, фру Кламме. Про горных ведьм...

- Суеверия, Герти? Ты серьезно?

- Мне кажется, там действительно что-то есть, - с дрожью в голосе произнесла Герти и перевела дыхание.

Морщинистое лицо фру Кламме сморщилось еще больше.

- Осенью мне стукнет семьдесят пять, моя дорогая, и вот что я тебе скажу: всю свою жизнь я прожила в Сольворне и много чего слышала про Медвежий лог. Если бы мне удалось хоть одним глазком увидеть что-то или кого-то, о ком ты говоришь, то... - она вздохнула. - Этот мир полон тайн, но разве можно верить в то, что не имеет плоти?

- Иногда так хочется поверить... - глаза Герти наполнились слезами.

- Все в твоих руках, дорогая, - фру Кламме запихнула булку в пакет. - Мне бы хотелось, чтобы именно ты получила хоть толику счастья... - она взялась за ручку двери. - Может, и есть что-то...

- Если пойти туда и загадать желание, то оно сбудется, да?

Фру Кламме развернулась:

- Спроси об этом у своей матери. А я буду надеяться, что ты умнее, чем она.

Заперев дверь, Герти прижалась к ней спиной и огляделась - наконец-то она осталась одна! Все ее время было расписано по минутам, и даже в свой единственный выходной ей приходилось согласовывать собственные желания и планы! Хорошо, что Соня всегда приходит на помощь и говорит Туве, что они занимаются у нее дома. Собственно, так это и было чаще всего - Герти не только помогала подруге готовиться к поступлению в университет, но и сама с огромным интересом изучала программу первого семестра по специализации ресторанного и гостиничного бизнеса. Вот только, похоже, знания эти так никогда ей и не пригодятся. Чтобы печь булочки в их баре, особых талантов не нужно. Да и дипломов тоже...

Берг спит и видит, как они будут жить вместе. Строит планы, постоянно говорит о том, как хочет детей и новый дом. Он уверен, что для счастья этого достаточно. Конечно, он прав - это чудесные планы, но только для тех, кто хочет именно этого.

Герти прижалась лбом к дверному стеклу и с тоской посмотрела на вечернюю улицу. Нет, разумеется, она не против чего-то подобного, но...

Стекло запотело от ее дыхания. Герти обвела пятно по

кругу, а затем внутри его нарисовала цифру пять. Ее ладонь все еще хранила тепло от монеты в пять крон.

- Что со мной происходит?.. – прошептала она в недоумении и растерянности. Любая девушка в Сольворне, не раздумывая, заняла бы ее место.

Отец тоже не скрывал своей радости от того, что породнится с зажиточными Йоргенсами. Разве для того он воспитывал ее в строгости, чтобы продешевить? Эта мысль пронеслась в ее голове огненным шаром, будто пущенным чьей-то меткой рукой.

И словно в ответ на ее вопрос зазвонил телефон. Герти метнулась к стойке и схватила трубку:

- Да, папа, я здесь. Как закончу, сразу домой.

Аккуратно положив трубку, она медленно перевела дух. Каждая вещь в этом баре была ей знакома. До этого вечера она чувствовала себя здесь на своем месте, но сейчас видела лишь тюремную клетку.

На автомате Герти протерла полы, пересчитала кассу и сложила деньги в специальный ящик. Дела в баре шли так себе, ведь без туристов нечего было и думать о том, чтобы бизнес расцветал. Но никто не торопился вкладывать деньги в строительство гостиниц и рекламу. Тот же Хансен - сын старика Якоба, забыл не только про свой город, но даже про свое поместье.

Так что говорить о простых людях, которые живут здесь и пытаются хоть как-то укрепить свое шаткое положение?

Вероятно поэтому отец злился и пил, а когда он был таким — попадало всем.

Их отношения с матерью для Герти оставались загадкой. Сольвейг терпеливо сносила все его придирки, а иногда даже будто специально провоцировала словно в отместку. Во всяком случае Герти именно так и казалось. В то время, когда она сама старательно сглаживала любой конфликт. Потому что ждать каждый раз, чем все это может закончиться, было невыносимо.

Разговоры с матерью ни к чему не приводили - она упорно не желала ничего менять, да и Герти, собственно, не могла предложить ей чего-то взамен. Втайне все это время она хотела поговорить с Бергом, чтобы потом, после свадьбы, забрать мать к себе. Но теперь, когда она и сама не была уверена в том, что хочет быть женой молодого Йоргенсена, эта проблема оказалась неразрешимой.

Все вокруг считали, и, вероятно, не беспочвенно, что у Сольвейг Улафсен какая-то нервная болезнь. Она вдруг то начинала смеяться не к месту, то на несколько дней замолкала, не обращая внимания ни на кого. Весь ее мир сосредоточился на муже, который ни в грош ее не ставил. Туве был красивым мужчиной, и это невозможно было отрицать. Возраст, конечно, наложил свой отпечаток, но все же следовало признать, что в молодости отец Герти моментально привлекал к себе женское внимание.

Герти была очень похожа на него, и многие говорили, что

кровь викингов в роду Улафсена явно была разбавлена восточной. Сольвейг же не отличалась яркой внешностью, но Герти любила мягкость ее волос и тонкую талию, которую получила от нее в наследство.

Изо дня в день они втроем молча завтракали и ужинали, и Герти ловила их перекрестные взгляды, но не могла понять, что они означают. Глаза отца при этом наливались яростью, а лицо приобретало сероватый оттенок. Сольвейг же внешне оставалась спокойной – лишь кривая улыбка растягивала ее бледные губы.

... Герти вдруг остановилась, пораженная догадкой: а что, если и ее мать ходила в Медвежий лог, чтобы выпросить любви Туве? Рассказ Соньи отпечатался в ее мозгу, и теперь она находила все новые доказательства его правдивости...

С улицы донесся рев моторов. Она медленно повернула голову и посмотрела сквозь стекло. Берг раскатывал с друзьями неподалеку, вероятно, дожидаясь, когда она закончит.

Отец прав: Берг очень хорошая партия. За ним она была бы как за каменной стеной. Но ей не нужна стена. Ей нужен живой человек, которого бы она любила. Такой, который любил бы ее.

- Я знаю, что попрошу у горных ведьм, - прошептала Герти. - Они не смогут мне отказать. Пусть тот, кого я... - она задохнулась от переполнявших ее чувств и зажмурилась. - Тот, кого я люблю, полюбит меня. - Открыв глаза, Герти увидела идущего к бару Берга Йоргенсена. Он смотрел пря-

мо на нее и улыбался.

"Сейчас он захочет поцеловать меня. Потом обнимет и будет нашептывать разные вещи, которые кажутся ему приятными... Но я должна сказать ему, что..."

- Я не люблю тебя, Берг...

Глава 6 Эрик

Розово-лиловые всполохи заката расцвечивали небо подобно праздничным стягам. Полночное солнце здесь не было таким ярким, как на севере. Вершины гор погрузились в бордовую дымку, и казалось, что их белоснежные пики объятые пламенем.

Горная дорога, по которой шел Эрик, была не широкой, но достаточной для того, чтобы по ней можно было проехать на каком-нибудь грузовичке или минивэне, приспособленном для таких вот извилистых троп.

- Дай угадаю – хочешь устроиться туда на работу? - спросил Эрика его новый знакомый. - Не выйдет. Старик Хансен умер, и что теперь будет с поместьем, никто не знает. Разве что новый хозяин, но, похоже, ему нет никакого дела до всего этого.

- Нет, я только... Может, на пару дней, чтобы... - уклончиво произнес Эрик и замолчал. Не в его правилах было распространяться о своих планах.

- Понимаю, - ухмыльнулся Берг. - Впервые в Сольворне? Эрик криво усмехнулся и, помедлив, ответил:

- Можно сказать, что да.

- Уверен, ты не удержишься здесь.

Они шли вдоль живописного озера, и Эрик чувствовал, как оседают влажные испарения на его коже.

- Отчего же? Вдруг мне понравится? – хмыкнул он скорее из духа противоречия. - Куплю дом, женюсь... - Слова вырвались сами собой, будто он действительно так думал. Глупее, чем сейчас, Эрик не чувствовал себя ни разу.

Брови Берга подскочили вверх, выдавая высочайшую степень удивления. Он резко остановился, а затем громко расхохотался, уперевшись ладонями в колени. Вытерев выступившие слезы, произнес:

- А ты мне нравишься! Как, говоришь, тебя зовут?

- Эрик.

- А я Берг Йоргенсен, - он протянул руку. – Если надумаешь бросить здесь кости, найди меня на лесопилке Йоргенсенов. Тут все меня знают. Дам тебе список местных цыпочек, которые спят и видят, чтобы оседлать кого-нибудь вроде тебя.

- Местных жеребцов не хватает? – Эрик ответил на рукопожатие. Этот Берг ему нравился.

Однако Берг шутку не оценил - улыбка застыла на его лице, и сейчас он смотрел на Хансена странным изучающим взглядом.

- Хватает, не переживай, - наконец ответил он с прохладцей. – Просто хотел предупредить, что здесь не любят тех, кто нарушает чужие границы.

- Разве я что-то нарушил?

- Еще нет, но собираешься, - в голосе Берга не было угрозы, и все же, он явно имел в виду что-то конкретное.

"Ну не местных же цыпочек, в конце концов?"

- Ты про поместье? - на всякий случай переспросил Эрик.

- Ага, - кивнул Берг. — Я знаю, зачем ты здесь, Эрик. Тебя интересует Медвежий лог.

Хансен вздрогнул. Их взгляды пересеклись, но Эрик не заметил в глазах Берга чего-то особенного или пугающего. Вряд ли Йоргенсен знал, кто он. Сейчас, не выпавшийся и вымотанный дорогой, Эрик меньше всего походил на наследника богатой империи. К тому же, наследником он уже не являлся, а по сему ему даже не нужно было притворяться.

- Я знаю, зачем ты здесь, — раздельно повторил Берг. Оглядевшись, он понизил голос почти до хриплого шепота: - Думаешь, Медвежий лог поможет решить твои проблемы? - И тут же ответил на свой вопрос: — Возможно. Но ночь не самое лучшее время для этого.

- Прости? — Эрик подтянул гитару и перекинул сумку из одной руки в другую. — Не самое лучшее время для чего?

- Чтобы встретиться с нечистой силой, - очень серьезно сказал Берг.

Лицо Эрика вытянулось. Впервые он посмотрел на этого парня так, будто сомневался в его здравомыслии. Берг, конечно, не выглядел деревенским дурачком и к тому же был на полголовы выше и крепче в плечах, что делало эту ситуацию еще более двусмысленной.

- Нечистая сила? - на всякий случай переспросил Эрик и немного отстранился. - Что ты имеешь в виду?

- Тебе лучше знать, - цыкнул языком Берг. - Главное, не забывай, что это может быть опасно.

- Понятно... - Эрик кивнул и покрутил головой в надежде, что какой-нибудь житель Сольворна окажется поблизости. Находиться рядом с неадекватным спутником – вот что было по-настоящему опасно.

Берг выдержал многозначительную паузу, сопровождая ее мрачным взглядом, а затем не выдержал и вновь расхохотался:

- Да расслабься ты! Сольворн - тихое и безобидное место. Я просто хочу предупредить, что если ты заблудишься, то...

- То?..

- То все! – Берг радостно потер ладони. – Никто никогда не найдет тебя! Разве что, твою гитару. Но это не точно. Все еще хочешь подняться наверх и пощекотать себе нервы? Вперед! А мне уже пора. Меня ждет самая красивая девушка Сольворна. – Берг горделиво выпятил грудь и заткнул пальцы в шлевки кожаных брюк.

"День. Мне нужен всего лишь день, чтобы отдать распоряжение о продаже и свалить отсюда ко всем чертям", - пронеслось в голове Эрика.

- Рад за тебя, - ответил он. - Надеюсь, она не в том списке, о котором ты говорил.

Кулаки Берга сжались, и Эрик еще раз мысленно чертыхнулся - этот деревенщина явно был не из тех людей, кто спокойно реагирует на подколы. И вероятно не на шутку влюб-

лен. Впрочем, что Эрик мог знать о чувствах? Ему еще не приходилось влюбляться так, чтобы раздувать ноздри и грозить кулаками, как Берг. Быть Хансеном означало иметь возможность покупать все, что хочется. Да и окружение его было лишено предрассудков на этот счет: секс - отличная альтернатива всему этому сумасбродству, которое называют любовью. К тому же, жертвовать своей свободой он был не намерен. И глядя на Берга, Эрик едва сдержался от смеха - было бы интересно посмотреть на него через пару лет, когда ему осточертеют все эти романтические бредни... Да даже через полгода.

Берг медленно выдохнул и посмотрел вверх - туда, где золотились кроны деревьев.

- Тебе пора, - сказал он и, развернувшись, зашагал прочь.

Эрик смотрел ему вслед, пока фигура Берга не исчезла из виду.

- Может еще увидимся, Берг Йоргенсен, - он пожал плечами и отправился в путь.

Эхо гулко вторило звуку его шагов, и время от времени Хансен останавливался и озирался в поисках мнимого преследователя. Но дорога была пуста, и только стрекот цикад наполнял окружающую его в этот момент тишину.

Какая-то ночная птица стремглав бросилась вниз и прочертила в воздухе линию почти у самых его ног. Эрик с шумом выдохнул и вытер вспотевший лоб - подобные ночные прогулки были ему в диковинку. Не сравнивать же их с за-

гулами по калифорнийским барам, когда перестаешь понимать, утро на улице или вечер, и все время ходишь в солнцезащитных очках, чтобы скрыть опухшие глаза.

Эрик чувствовал, как обострились все его чувства, поэтому, вероятно от усталости, ему все время казалось, что он не один. Он почти поверил в то, что кто-то следил за ним, бесшумно передвигаясь и прячась за каменными выступами и деревьями. Не издавая ни малейшего шума. Ничем не выдавая себя...

"Это всего лишь усталость! И голод," - Вытащив булочку, он проглотил ее, почти не жуя, и зажмурился от удовольствия.

Поместье Хансенов должно было вот-вот появиться. Эрик прибавил шаг, осознавая, что не имеет ни малейшего представления о том, как попадет внутрь хитте*. Он усмехнулся собственным мыслям - теперь, когда он предоставлен самому себе, никто не будет решать его проблемы.

- Я этого и хотел, - пробурчал он. Внутри кольнуло при мысли о том, как бездарно он жил все это время. - Кто знает, может, я даже смогу влюбиться?

Холодок пробежался по его левой щеке, будто кто-то прикоснулся к ней ледяными губами. Сердце гулко отозвалось, вспугнутое охватившим его волнением.

Когда в розоватых сумерках появилось старое поместье, Эрик услышал рокочущий звук воды. Где-то неподалеку находился водопад.

Хансен остановился, не веря своим глазам:

- Дом, милый дом, провалиться мне на этом месте...

*хитте - дом в горах (норвежск.)

Эрик замер, восхищенно разглядывая развернувшийся перед ним вид - серые скалы с двух сторон защищали поместье от сквозного ветра, а перед ним зеленела равнина, края которой упирались в горизонт, скрытый в похожем на облако тумане. И этот туман сейчас стелился, подбираясь к ногам Эрика, словно живой.

Хансен шагнул вперед, случайно задев рукой гитарную струну. Короткий звук прорезал пространство и завис на некоторое время в воздухе, утонув затем в шуме бегущей воды.

Поместье Якоба Хансена...

Перед глазами Эрика всплыли короткие фрагменты той единственной поездки много лет назад, и он с сожалением понял, что вся красота, которая владела этим местом, стерлась из его памяти, оставив лишь не самые приятные эпизоды, произошедшие в стенах горной резиденции Хансенов.

"Твоя мать - чертова хюльдра!" - отчетливо прозвучал голос деда в его голове.

До боли закусив губу, Эрик сглотнул.

Зачем Якоб оставил ему этот дом? Почему не распорядился как-то иначе? Почему никогда больше не искал встречи и ни разу даже не позвонил?

Тысячи вопросов роились в голове Эрика, распирая черепную коробку.

Этот дом возвышался над Сольворном и будто олицетворял самого Якоба Хансена - отчужденного, мрачного старика с горделиво поднятым подбородком и непослушными длинными прядями седых волос над загорелым лицом. Не выпуская изо рта курительную трубку, он всегда говорил короткими отрывистыми фразами, каждая из которых была наполнена презрением и злостью.

Что он мог сказать ему в ответ, будучи ребенком? И могли ли он защитить мать от подобных обвинений?

- Хюльдра... - пробормотал Эрик и качнул головой. Возможно, часть этих воспоминаний была лишь плодом его детской фантазии. Что было правдой, а что ложью, мог бы, наверное, сказать только Ари. Но его отец оказался таким же, как дед, так что ждать от него было нечего.

Основание дома под плоской крышей было выложено крупными булыжниками. Выкрашенные в коричневый цвет ставни, широкий загон, чуть дальше - два сарая в тени буковых деревьев, - все здесь дышало спокойствием и порядком, будто старый Якоб был еще жив. Казалось, откроется дверь, и он шагнет навстречу, и глаза его, сотканые из ледяного холода и зимнего неба, как всегда, обожгут Эрика и заставят убежать прочь.

- Ненависть... - Эрик и глубоко вдохнул кристально-чистый воздух. Кончик языка закололо, но затем это ощущение

исчезло, растворившись в сладости, которая обволокла его гортань. Порывшись в пакете, Эрик достал еще одну булочку и зашагал дальше.

Многоголосие ночных звуков природы и его шагов не нарушило сонного оцепенения дома. Ежась от холодной свежести, Эрик сцепил челюсти и вжал голову в плечи. Больше всего ему хотелось обрести наконец крышу над головой и распластаться на плоскости, чтобы выспаться. И не важно, будет ли это постель или подложка из сена, лишь бы почувствовать себя в безопасности.

Жил ли кто-нибудь в поместье после смерти деда, он не знал. В сущности, Эрик вообще не имел понятия о том, что происходило здесь все эти годы. Он помнил фру Бри, которая вела хозяйство в доме, а еще Румоса. Пожалуй, только они и замечали его присутствие, ведь остальные были заражены ненавистью, которой были пропитаны стены этого дома.

Фру Бри поила его теплым молоком с печеньем, а Румос сажал на шею и так они шли к самому краю берега, чтобы оттуда любоваться красотой Согне-фьорда.

- Надо было расспросить Берга о них, - запоздало подумал Эрик. Столько лет прошло, живы ли они?..

Интересно, что думал обо всем этом его отец. Эрик не мог припомнить ни одного разговора с Ари, чтобы тот хоть как-то упомянул о тех, кто жил здесь, включая деда. Общался ли он с ним вообще? Может, и общался, да только ни ему, ни

Лили-Бет об этом было ничего не известно.

Хансен поморщился, вспомнив сестру и то, как они попрощались. Это было так неправильно, что он вновь устыдился своего поступка. Если все сложится, решил он, то я обязательно...

Что он сделает в этом случае, Эрик додумать не успел. Взявшись за ручку двери, он несколько раз подергал ее, а затем прижался ухом к деревянной поверхности. Выждав минуту, ударил по ней кулаком. Звук получился глухим, будто толстое дерево проглотило его.

Усталость навалилась на Эрика, сковав плечи и спину. Затылок закололо, словно кто-то дотронулся до его волос китайскими "Пальчиками Шиаци"*. Он даже обернулся, чтобы проверить, не стоит ли кто-нибудь за его спиной. Никого не было, но он вновь поежился от липкого ощущения, будто за ним наблюдают. Ему показалось, что к привычным уже звукам добавился еще один, напоминающий шепот.

Вглядываясь в туманную дымку, он замер, вдруг заметив движущиеся тени. Глаза слезились и болели, а виски ломило от напряжения. Казалось, еще чуть-чуть, и мозг его взорвется, не в силах справиться с какофонией звуков и видений, которые он бы даже не заметил в привычной жизни. Но здесь он чувствовал себя слабым и не защищенным, каким, вероятно, и был в этот момент...

Когда дверь за его спиной скрипнула и открылась, он медленно обернулся и вздрогнул от охватившей его радости:

- Это я, Эрик...

*Пальчики Шиаци - маркетинговое название китайского массажера "антистресс".

Глава 7 Герти

- Закончила? - спросил Берг и шагнул в открытую дверь. Резко пахло деревом, потом и машинным маслом.

Герти непроизвольно отступила, когда он протянул руки, чтобы обнять ее. Никогда до этого его запах не был таким раздражающим, и сейчас она чувствовала себя не только застигнутой врасплох, но и в ловушке.

- Сейчас... только уберу ведро. - Герти суетливо схватилась за швабру, затем кинулась в подсобное помещение, наталкиваясь на мебель и судорожно кусая губы.

Она подумала было закрыться в комнатухе хотя бы ненадолго, сказать, чтобы Берг ушел и оставил ее одну, но вместо этого мучительно пыталась составить в голове последовательность фраз, которые ей все равно придется произнести.

Скрип его высоких мотоциклетных ботинок отдавался в ее ушах, отчего Герти теряла мысль и вновь возвращалась к самому началу: "Я должна тебе сказать... Ты замечательный, Берг, и я очень тебя... Нет, не так... Я тебя не... Давай останемся друзьями... Черт, черт, черт!"

- Нам не придется больше ждать, Герти! - вдруг крикнул Берг. Когда она вышла из подсобки, то увидела улыбку на его лице. - Все решено! Теперь сделаем все как надо! Честно говоря, я уже устал ждать.

- Сделаем что? - опешила Герти.

- Сыграем свадьбу. Не будем откладывать. Тем более, что для этого есть весомая причина.

- Причина? - пробормотала она, вытирая руки о фартук.

- Да, причина... Нет-нет, все не так! Понимаешь, дело в том, что... Ты не виноват, это я...

- Да все я понимаю! - отмахнулся Берг: - Мой отец гораздо богаче, а ваши дела идут так плохо, что даже продажа бара не изменит этого.

- Что?.. - не удержавшись на ногах, Герти прислонилась к стойке. - Продажа бара? О чем ты?

Йоргенсен развел руками:

- Это решение Туве. Он сам мне сказал сегодня. Вот уже несколько месяцев твой отец раздумывает над тем, куда пристроить заведение. Налоги съедают почти всю прибыль, и я его понимаю, - голос Берга приобрел покровительственные нотки.

С шумом вобрав в себя воздух, Герти оцепенело смотрела под ноги и чувствовала себя так, будто находилась в ялике без весел посреди моря во время шторма.

- Я ничего не знала, - сказала она глухо, ощущая, как к горлу подступает горячая волна. - Несколько месяцев... Почему он ничего не сказал мне? - Герти сжала кулаки. Если бы она знала о планах отца, то решила бы уехать вместе с Соньей учиться! Устроилась бы на подработку и содержала бы себя сама вместо того, чтобы... Эта мысль ошпарила

ее словно кипятком, вытеснив все прошлые размышления о том, чтобы забрать мать в дом Берга. Она не могла поверить тому, что чувствовала в эту минуту, но знала - это была та самая правда, которую она не хотела видеть. И теперь сожаление, обида и гнев переполняли ее душу.

Берг подошел совсем близко и приподнял ее лицо за подбородок. Его руки были шершавыми и горячими, и от его прикосновения у нее заныла кожа.

- Ты расстроена, - произнес он утвердительно. - Но, поверь, то, что я сейчас скажу, моментально высушит твои слезы. Я смогу позаботиться о своей девочке.

Герти замерла, глядя на то, как шевелятся его губы. Неужели когда-то она отвечала на его поцелуи?

- Теперь мы станем одной семьей, Герти. Все это, - он обвел взглядом помещение, - будет нашим.

- Нашим? Я не понимаю...

- Мой отец выкупит бар и построит напротив него отель. Видишь тот пустырь? - Берг кивнул в сторону улицы.

Герти даже не подняла глаз. Она прекрасно знала это место - Берг с друзьями облюбовал его для своих ежевечерних мото-сборищ и возвращался туда каждый раз, когда отвозил ее домой.

- Представляешь, какая удача? - самодовольно продолжил он. - Конечно, мы все здесь переделаем и переименуем бар, но только подумай - через пару лет здесь может быть целый комплекс зданий под аренду. А еще, - Берг покраснел от

возбуждения, - я подумываю о том, чтобы выстроить кемпинг на Волчьем озере!

- У тебя наполеоновские планы... - Герти прижала ладонь ко лбу, словно унимая внезапный жар. По сути, так оно и было - ее просто разрывало изнутри от вскипевшей крови. - Что же в таком случае буду делать я?

Берг провел пальцем по ее шее, задержавшись на ямочке у ее основания. Затем также медленно стал спускаться ниже, пока Герти не перехватила и не отвела его запястье.

- Уж поверь, работы у тебя будет предостаточно. - Он выдернул руку и, обхватив ее за талию, прижал к себе. - Дома.

- Вот как... - она вытянулась в струнку и замерла, почти не дыша. - И как давно ты...

- Сегодня мы с твоим отцом окончательно сговорились. Осталось подписать бумаги. Его условие - это свадьба и место управляющего баром. Что ж, мы пойдем на это. Зато туристы будут приезжать в Сольворн, и кто знает, может именно Йоргенсены встанут во главе Городского совета уже в следующем году. А еще через год... - у Берга, кажется, даже перехватило дыхание. - Еще через год отец сможет баллотироваться в окружной муниципалитет! И поверь, все в этом городе поддержат его, ведь мы, - он выдержал торжественную паузу, - печемся о его благополучии. Если бы еще Медвежий лог... - он передернул плечами.

- Что - Медвежий лог? - Герти едва сдерживалась от подступивших слез.

- Если бы нам удалось прибрать еще и Медвежий лог... - азартно ответил Берг, и глаза его заблестели как фары его мотоцикла.

- Ты же говорил, что лес там ничего не стоит, - зло сказала Гerti.

Но Берг, казалось, даже не заметил ее тона.

- Не бери в голову, детка. Рано или поздно мы решим и этот вопрос.

- И когда же ты хочешь свадьбу, Берг? - еле слышно спросила Гerti.

- На следующей неделе. Расходы я возьму на себя. Тебе останется только принарядиться!

Глава 8 Эрик

...Серый туман стелился над землей, обволакивал покрытые зеленым мхом вековые буки и кедры, и в этой белесой рыхлой мгле все казалось призрачным и нереальным. Верхушки деревьев терялись в нависшей предутренней хмари, а толстые корни выпячивались из почвы кривыми зловещими горбунами.

Шепот... Влажный и настойчивый, оседающий на коже и заставляющий сжиматься что-то внутри. Невероятное ощущение единения вдруг охватило его и понесло навстречу чему-то дьявольски-прекрасному и в то же время губительному и страшному...

Мокрая трава была похожа на холодные водоросли, и все перед ним колыхалось подобно волнам, отчего закружилась голова и на короткое время к горлу подступила тошнота как во время качки. Идти в этом сером мареве было почти невозможно - деревья вырастали словно из-под земли, пугая и заставляя замирать перед следующим шагом. Он пытался ухватиться за скользкую поверхность стволов, чтобы удержаться на ногах, но пальцы его проваливались в вязкую темноту, похожую на черный кисель. Шепот становился все ближе...

Сейчас... сейчас...

Тени наконец окружили его со всех сторон. Их движения

были неторопливы и сосредоточенны. Теперь шепот наполнил не только лес - он пробрался еще глубже - в его голову, чтобы проникнуть в гулко бьющееся сердце. Тело стало ватыным и готово было вот-вот разлететься на молекулы, чтобы потом самому стать этим мокрым предутренним туманом...

...Эрик глухо застонал и скинул с себя одеяло. Открыв глаза, вновь зажмурился и наконец выдохнул. Он был весь мокрый от ночного кошмара. Грудь вздымалась и сердце билось часто-часто, как будто он действительно бежал от этих теней, продираясь сквозь лесную чащу.

Сквозь шторы пробивалось солнце. Встав с кровати, Эрик одернул легкую ткань и замер от бушующих за окном красок. Ставни были уже открыты - он удивился, что не слышал ни единого звука. Эрик помотал головой, прогоняя отголоски шепота в своей голове и, натянув джинсы, вышел из комнаты.

- Румос, где ты? Почему не разбудил меня?

Сбежав по лестнице, ворвался на кухню и остановился в дверях, всей грудью вдыхая запах свежего кофе.

Деревянный стол напротив камина остался тем же, каким он помнил его с детства. Все в этом доме осталось прежним, но сейчас, с высоты своего роста Эрик взирал на обстановку в некотором недоумении. Неужели когда-то он боялся звука этих тяжелых напольных часов, или камина, в который мог войти, почти не сгибаясь?
Эрик провел ладонью по отполированной годами столешнице, вспоминая вечера, кото-

рые коротал вместе с Румосом под брякание кастрюль фру Бри.

"- Говорят, что один энергичный молодой человек из Нордланда, положив ствол своего ружья на хюльдру в лесу, получил власть над ней и решил сделать ее своей женой. Они жили счастливо, у них родился ребенок, - Румос затянул петлю на рыболовной сети и взялся за ремонт следующей ячейки. - Однажды вечером этот ребенок играл у камина, где хюльдра сидела, занимаясь прядением, а ее муж занимался работой...

- У камина? Как этот? - шмыгнул носом Эрик, подперев щеку кулаком.

- Ага, - важно кивнул Румос.

Фру Бри прошла мимо них к деревянному ларю, чтобы достать несколько луковиц и мимоходом потрепала Эрика по голове.

- Так вот, внезапно в хюльдре взыграло что-то из ее жестокой природы, и она сказала, показав мужу на ребенка, что из него выйдет хорошее жаркое для ужина. Ее муж пришел в ужас!

В напряжении Эрик выпрямился и уставился на старика. Тот, взглянув на него поверх очков, нахмурил кустистые седые брови.

- Женщина поняла, что полностью себя выдала, и начала молить, чтобы ее слова были забыты. Но муж запомнил их накрепко. Ужасные слова постоянно звучали в его ушах.

Благодаря им он понял реальную природу своей жены. После этого в их доме мира не стало.... Прежде добрый муж стал угрюмым, начал часто попрекать свою жену за ее дьявольское предложение и проклял тот час, когда решил на ней жениться.

По кухне пополз запах жареного лука. Эрик потер глаза и поерзал на высоком стуле.

- Так продолжалось сколько-то времени. Женщина страдала, но терпела. Однажды она отправилась в кузницу посмотреть, как муж работает, но он встретил ее проклятиями и угрозами. Тогда, используя свою волшебную силу, она схватила железный прут и обвернула его вокруг своего мужа, словно этот прут был из дерева...

За дверью раздались тяжелые шаги, затем открылась дверь:

- Мальчику нужен сон, - заявил Якоб сурово. - Он такой тощий и хилый, что я сомневаюсь в своем с ним родстве.

- Герр Хансен, неужели вы думаете, что мы не откормим его? - возмущенно возразила фру Бри и взмахнула полотенцем.

- Мы сделаем из него настоящего мужчину, - поддакнул Румос, складывая очки в футляр.

- Они уезжают через пару дней, - голос Якоба прозвучал так глухо, будто шел откуда-то из под земли.

- Так быстро? - фру Бри шумно выдохнула и скрутила полотенце в порывистом жесте. - Но как же...

Взрослые замолчали. Эрик посмотрел на деда и под его суровым взглядом сполз со стула и направился вон из кухни, расстроенный тем, что не узнал, чем закончилась история.

- Завтра я свожу тебя в Медвежий лог, - донеслось ему в спину.

- На лошади? - радостно переспросил Эрик.

- Конечно, - кивнул Румос."

Эрик открыл дверь с кухни на улицу и вышел наружу. От порога вела мощеная камнем дорожка к конюшне. Много лет назад эта дорога казалась ему просто бесконечной. Но в конце ее всегда ждал приз. Эрик мог часами отираться около Румоса, стараясь помочь, - накидывал сено, сгребал навоз и расчесывал лошадиные гривы, стоя на перевернутом ведре. Через открытое окно дома он видел кабинет деда, по которому его отец ходил взад-вперед, и лицо его при этом было болезненно-напряженным и даже злым.

К тому же вот уже несколько дней его мать, в легком платье и красных туфлях, быстро покидала дом и направлялась куда-то на прогулку. И в тот раз Эрик хотел было пойти следом за ней, но серая в яблоках лошадь ткнулась губами в его ладонь, прося угощение, и он полез в карман за куском сахара, полную чашку которого фру Бри всегда ставила рядом с утренним кофе...

Эрик обернулся, будто вновь услышал звук ее каблучков.

Из конюшни послышался храп и цоканье копыт. Затем строгое: "Стоять, милая!" - Румос никогда не тратил время

попусту. И сейчас Эрик был благодарен ему, что тот не стал ни о чем расспрашивать его ночью, а просто напоил молоком и отправил спать.

Глава 9 Наследство

Сладко пахло сухой травой, опилками и... Эрик прикрыл глаза от удовольствия - немного жженой карамелью, гречишным медом, яблоками и кожаной амуницией. Этот аромат он запомнил и полюбил с той самой поездки и, как оказалось, навсегда. Теперь он мог определить, больна лошадь или здорова, и хорошо ли о ней заботятся только по тому, как она пахнет. Правда, не так часто ему приходилось это делать - конный спорт он смотрел лишь по телевизору, а на скачки не ходил из принципа. Но разве то же самое не относится ко всему живому?

"Кошка может заставить тебя выглядеть неуклюжим, собака - глупым, но только лошади дано добиться и того, и другого одновременно", - приговаривал Румос, когда учил Эрика ухаживать и понимать потребности животных. Зерна этих знаний упали в благодатную почву.

Вероятно, Якоб Хансен тоже любил лошадей. Эрик замечал на себе его быстрый взгляд, когда направлялся в конюшню. И взгляд этот становился чуточку мягче, чем в любой другой ситуации. Возможно, дед был доволен тем, что его внук не боится грязи и занимает свой день, выгребая навоз. Ведь Ари был далек от всего этого. Как и его мать, Эстер. Получается, что Якоб все-таки чувствовал в нем родную кровь.

Эрик отогнал от себя грустные воспоминания - к чему во-

рошить то, чего уже никогда не изменишь?

На стене висели седла и сбруя, чуть дальше находился вход в фуражную. Дверь в один из денников была открыта, и лоснящийся лошадиный круп выглядывал из него, помахивая черным хвостом.

- Ну вот, милая, все хорошо... Потерпи, завтра все пройдет.

В ответ раздалось фырканье и тихое ржание. Из денника, в длинном фартуке и сапогах, вышел старик.

- Румос! - воскликнул Эрик и, ухватившись за притолоку двумя руками, на мгновение повис на ней. Деревянная балка даже не скрипнула - все здесь было сделано на совесть и, похоже, на века.

- Здравствуй, мальчик! - Лицо старика, испещренное глубокими морщинами, обветренное и будто подкопченное солнцем, просияло. Румос вытер руки о ткань фартука и подошел к нему.

Эрик зажмурился от непрошенных слез, когда обнял его и прижался щекой к седому виску.

- Румос, как же я рад!

- Ты действительно рад тому, что вернулся?

Эрик замер, почувствовав, как к щекам приливает краска стыда.

- Я... - он тяжело вздохнул, - я хотел приехать раньше, но...

Румос похлопал его по спине - рука его до сих пор была сильной и жесткой, впрочем, как и он сам - жилистый креп-

кий старик, которому, должно быть, было... Эрик поморщился, пытаясь вспомнить его возраст. Знал ли он вообще это когда-нибудь?

- Пойдем завтракать? - спросил Румос, отстраняясь и оглядывая его. Сложно было понять, о чем он думал. Но Эрик почему-то был уверен в том, что Румос действительно рад его приезду.

- Пойдем. Мне надо многое тебе сказать, - в нерешительности Эрик замолчал. Его вдруг потрясла собственная мысль: ведь если он продаст Медвежий лог и поместье, то старику придется уйти отсюда. Есть ли у него другое жилье и возможность жить так, как он привык? И как вообще обстоят дела в поместье после смерти Якоба Хансена? Нет, одной беседой, судя по всему, тут дело не кончится... - Наверное, ты удивился, когда увидел меня вчера. Я не позвонил, хотя должен был. Прости. Все получилось так спонтанно, что я...

- Ты вернулся вовремя, - просто сказал Румос.

- Да, но, - Эрик взъерошил волосы. - Скажи, а фру Бри, она ведь... - Он боялся произнести слово "жива", поэтому лишь с надеждой посмотрел на старика.

- Все хорошо, - кивнул Румос. - Мы оба ждали тебя.

Эрик выдохнул. Фру Бри - приятная, добрая и ласковая - в его воспоминаниях оставалась женщиной чуть за пятьдесят, с гладкой румяной кожей и похожими на темный янтарь глазами. Должно быть, время не пощадило ее, но кого оно щадит? Главное, что он сможет обнять ее и поблагодарить за

то тепло, которое получил когда-то.

- Она в доме, - словно прочитал его мысли Румос.

- Вот как? - немного растерялся Эрик. - Как же я мог пропустить... Не слышал. Сразу пошел сюда.

- Понятное дело, усмехнулся старик, стаскивая фартук. Эрик заметил на нем несколько пятен крови. - Одна из лошадей поранила ногу о камни. Стоит им оказаться на выпасе, начинают носиться и играть как дети. А дети порой падают и расшибаются...

- Рана серьезная? - обеспокоенно спросил Эрик и обернулся. Ему показалось, что что-то светлое мелькнуло сквозь доски загона, но старик подтолкнул его к выходу.

- Царапина. Все заживет, не переживай. Завтра будет как новенькая. Ты еще не забыл, как сидеть в седле?

- Ну, честно говоря, - смутился Эрик, - я больше по автомобилям.

- Понятное дело... - снова повторил Румос и потер подбородок. - Тебе нужно хорошо поесть. Здесь совсем другой воздух, и скоро ты окрепнешь, войдешь в силу.

- Я не жалуясь на здоровье, - хохотнул Эрик. - Поверь!

Румос посмотрел на него долгим внимательным взглядом, и Эрик почувствовал себя неуютно. Длилось это ощущение лишь краткое мгновение, но заставило его вновь понять, что то, чем он занимался на "большой" земле, точно не сделало его сильнее и здоровее.

- Это очень хорошо, - ответил Румос. - Как тебе спалось?

- Ну, - замешкался Эрик, вспомнив ночной кошмар, но затем отмахнулся. - Нормально! Главное, добрался.

Они уже почти подошли к дому, когда Эрик обернулся и посмотрел на конюшню.

- Разве мы закрывали дверь? - спросил он.

Румос посмотрел в ту же сторону.

- Пойдем, мальчик. Это всего лишь ветер.

- Но ветра же нет, Румос! И дверь достаточно тяжелая, чтобы...

- Бри ждет нас завтракать.

Эрик пожал плечами и, подгоняемый зверским аппетитом, двинулся следом.

Кухня встретила их ароматами скворчавших на плите рыбных котлет, и полной тарелкой лефсе - картофельных блинов.

- Бри, мы здесь! - крикнул Румос.

- Бегу! - раздался мелодичный голос, и через минуту женщина вошла в кухню.

Эрик шагнул ей навстречу и застыл как вкопанный. Затем, качнув головой, он восторженно присвистнул и протянул руки.

- Эрик, милый, какое счастье! - она обняла его. - Так вырос и стал таким красивым! Ты узнал меня?

- Еще бы... - ошарашенно пробормотал Эрик. - Ты совсем не изменилась за столько лет... Если бы я верил в магию, то подумал бы, что ты ведьма!

- Что ты такое говоришь, Эрик! Конечно, слышать подобное приятно каждой женщине, но... - она погладила его по щеке, улыбнулась и посмотрела прямо в глаза.

- Я говорю правду, потому что... - Эрик осекся, будто слова моментально улетучились из его головы. Он стоял, прикованный ее взглядом, и сознание его стало мутным и разреженным, словно ночной туман.

Он мог поклясться, что янтарь в глазах фру Бри превратился сначала в мед, а затем приобрел оттенок шоколада - как песок на одном из калифорнийских пляжей, где он постоянно проводил время в компании разбитной молодежи и нескончаемого музыкального сета. Сколько дней и ночей он прогулял, сжигая время и деньги, не думая о том, что ждет его завтра? Ведь завтра было предрешиено и оплачено Ари, его отцом. Сотни женщин были готовы на все, чтобы заполучить его внимание! Десятки раз он был на волосок от гибели, ныряя в океанские волны в почти неменяемом состоянии...

Эрик вздрогнул, когда увидел перед собой толпу людей, стоявших внизу и указывающих на него пальцем, босые ноги, скользкие от пролитого спиртного, на самом краю подоконника, и липкий микрофон в своей руке. Это был он - Эрик Хансен...

- Ничего, милый, все хорошо, - донесся до него голос фру Бри. - Смотри, я приготовила тебе то, что ты любишь. Любил, когда был маленьким, - уточнила она.

Губы Эрика задрожали. Он разгладил широкие бретели

фартука на ее плечах и коротко кивнул.

- Какие у тебя планы, сынок? - сурово спросил Румос и сложил перед собой натруженные руки.

- Пусть он сначала поест, - Фру Бри поставила тарелки и отошла к плите за сковородой.

- Да, планы... - Эрик взъерошил волосы и сел за стол. Его еще немного потряхивало, но внутри поселилось чувство сродни тому, о котором говорят: снял камень с души. Разумеется, ни Румос, ни фру Бри не могли знать того, о чем он думал в эти несколько минут, и все же ему казалось, что воздух вокруг него был пропитан этими воспоминаниями, будто песок морской солью...

- Не выпить ли нам за встречу? - предложила фру Бри, ставя на стол графин с "аквавитом"*.

Эрик качнул головой. Завернув в теплую картофельную лепешку котлету, вонзился в нее зубами.

- Боже, как вкусно! - простонал он. - Полжизни можно отдать!

Румос усмехнулся и кивнул фру Бри. Стопочка с желтоватой жидкостью тут же оказалась перед ним.

- Я так понимаю, мне нужно позвонить поверенному, чтобы договориться о встрече, - сказал Эрик, вытирая губы полотняной салфеткой. - Как его зовут?

Румос и фру Бри переглянулись.

- Да, я скажу, где находится его контора, - поджал губы старик.

- Возможно, он придет сам? - Эрик заглянул в сковороду и, подумав, подцепил еще одну котлету.

Румос хмыкнул и откинулся на спинку стула.

- Что? - удивился Эрик.

- Будет лучше, если ты сам сходишь к нему, - мягко улыбнулась фру Бри.

- Ну хорошо, - пожал плечами Эрик. - Позвонить-то я ведь могу ему?

- Здесь плохая связь, - буркнул Румос и опрокинул в себя содержимое стопки.

- Ладно, - согласился Эрик. - Я должен сказать вам одну вещь... дело касается Медвежьего лога, - он поерзал на стуле. - Не думаю, что это место для меня. То есть, чтобы жить здесь, нужно быть кем-то вроде... - он искал подходящее слово. - Кем-то вроде вас, - родиться здесь. Нужна весомая причина, понимаете? - он нервничал, когда говорил это. И ждал, что Румос и фру Бри отреагируют самым понятным образом - расстроятся, возможно даже выскажут ему все, что думают, и обозлятся. Но они вели себя на удивление спокойно, будто речь шла о чем-то вроде рыбных котлет.

В глазах Румоса Эрик даже заметил что-то похожее на усмешку.

- Обещаю, что поддержу вас и сделаю все возможное, чтобы сохранить и улучшить уровень жизни, к которому вы привыкли.

- Слышишь, Бри? Уровень жизни... - Румос рвал лепеш-

ку, закидывал куски в рот и задумчиво смотрел перед собой. Через некоторое время, он развернулся к Эрику: — Вот значит, как ты решил? И долго думал?

— Это было изначально моим решением, - тихо ответил Эрик. - До того момента, как я приехал сюда.

- Какого черта... Ты не можешь! - Румос перегнулся через столешницу. Лицо его пошло пятнами.

- Тише, тише... - сказала фру Бри, примирительно подняв руки. - Эрик - наследник, не забывай об этом, - обратилась она к старику.

- Я помню, - тут же выдохнул Румос. - Прости.

Эрик в недоумении следил за их разговором. Выглядело это так, будто он и не сидел с ними за одним столом. Но, в конце концов, им действительно стоило обсудить сложившуюся ситуацию наедине, чтобы смириться с его решением и прикинуть, сколько им нужно для того, чтобы жить безбедно.

- Я сейчас вернусь, - сказал он и вышел из-за стола. Потоптавшись на месте. добавил: - Только поставлю телефон на зарядку.

Выйдя за дверь, Эрик прикрыл ее и успел отойти лишь на пару шагов, когда вновь услышал тихий голос фру Бри:

- Успокойся, Румос, все будет так, как должно быть.

- А если...

- Не переживай. У меня еще есть силы, чтобы...

На цыпочках Эрик вернулся к двери и заглянул в щель.

Фру Бри, склонившись к старику, что-то шептала ему на ухо. Серый фартук ее разъехался по спине, открыв светлую юбку, подол которой по краю был испачкан кровью...

Эрик отступил от двери и, ступая как можно тише, пересек коридор между кухней и гостиной.

Душа его была в смятении. Никогда раньше ему не приходилось принимать подобных решений. Да, будучи ребенком, он иногда наблюдал за тем, как как отец решает рабочие вопросы - каждое его слово было выверено, а намерение уже просчитано на много ходов вперед. Чувствовал ли Ари что-то подобное, когда ему приходилось увольнять кого-то просто потому, что штатная единица была ему больше не нужна?

"Какая разница, ведь эти люди не были его близкими друзьями или родственниками, - подумал Эрик, и тут же разочлился на самого себя: - Румос и Бри стали частью моей жизни за очень короткий срок. И не их вина, что я получился таким... таким..."

Он остановился посреди лестницы и обвел глазами гостиную, цепляясь за каждый предмет мебели и скудного декора. Этот дом, хранивший в себе дух истинного хозяина - Якоба Хансена, оставался таким же сдержанным и монументальным, как и старик, и выглядел так же аскетично: белые крашенные стены, перекрытый деревянными балками потолок, дощатый пол и толстенные ставни на окнах. Ни одной картины или фотографии, лишь плотный темно-коричневый ковер посередине и старые, потертые по краям стулья во-

круг деревянного стола. Понятно, почему Эстер старалась как можно меньше времени проводить здесь.

Какая-то мысль проскользнула в его мозг, но Эрик не успел за нее уцепиться. Что-то, связанное с тем, что он видел в эту минуту, беспокоило его и раньше, когда он был здесь много лет назад. Возможно, оно не стоило его внимания, особенно сейчас, когда он почти решился попрощаться с этим мрачным местом. И все же, Эрик ловил себя на том, что хотел бы позволить себе еще раз пережить те яркие моменты, воспоминания о которых все еще грели его душу.

Теперь, когда он находился в самом сердце Норвежских гор, вдали от привычного мира, полного соблазнов и сладкого дурмана, ему хотелось верить, что все еще можно изменить. Ведь рядом с ним были люди, готовые поддержать его и помочь. За эту услугу Эрик был готов заплатить любую цену.

Комната, в которой он остановился, находилась напротив лестницы и когда-то принадлежала Якобу. Так сказал Румос, когда провожал его сюда ночью. Эрик так устал, что не стал спорить, а утром, толком не оглядевшись, спустился вниз в поисках старика. Он остановился у окна и посмотрел вдаль. За забором расстилалась выщербленная горной породой холмистая равнина. Одним краем она упиралась в лесную чащу, а другим обрывалась крутой скалой к Волчьему озеру.

- Медвежий лог, - пробормотал Эрик, не отрывая глаз от темно-зеленого бушующего пятна на горизонте.

Он представил домики Сольворна, разбросанные, словно разноцветные детские кубики, по берегу озера, и в очередной раз попробовал представить - каково это жить вдали от людей в укрытом горами поместье. Якоб Хансен выбрал его по вполне понятным причинам - он не любил людей, как, вероятно, и они не любили его. Только двое из них, Бри и Румос, каким-то образом смогли все это время находиться рядом с ним. И даже теперь, когда хозяина не стало, они продолжают ухаживать за домом и имуществом, будто ничего не случилось.

В комнате деда до сегодняшней ночи Эрик был лишь однажды, в день своего приезда. Якоб сам привел его сюда и, легко подняв, поставил на подоконник.

- Что ты видишь, мальчик? - спросил он, придерживая его за локти.

- Лес...

- Это Медвежий лог. - Дыхание деда пошевелило волосы на его затылке.

- Потому что там водятся медведи? - Эрик прижал нос к стеклу и скосил глаза, рассматривая пасущихся внизу лошадей.

Стальные пальцы Якоба впились в его плечи, причиняя боль.

- Что ты видишь, Эрик?! - повторил старый Хансен и несколько раз потряхнул его. - Смотри внимательнее!

- Я вижу лошадей... - прошептал Эрик, едва сдерживая

слезы. Ему было неуютно в этом доме. И страшно от того, что его окружали непонятные и незнакомые вещи...

...Эрик вздрогнул. Голос деда вновь всплыл в его памяти так отчетливо, что по телу пробежала дрожь. Он вгляделся вдаль, мучительно напрягая глаза. Минуту смотрел, не понимая, что именно он должен был тогда увидеть.

Сейчас Эрик наблюдал лишь одно: небо над Медвежьим логом было другого цвета. словно купол, его покрывала свинцово-серая туча в то время, как над всем остальным царило дневное солнце и безоблачное небо. Да, это было довольно необычное зрелище, но природа порой удивляет и не таким.

Что тогда дед хотел от него, он так и не объяснил. Спустил его на пол и велел идти прочь. И больше не звал в свою комнату, потеряв к нему всякий интерес.

Эрик прошелся вдоль стола и полок с книгами. Теперь все это принадлежало ему, но что со всем этим барахлом было делать, он не представлял. Вытащив телефон, поставил его на зарядку. Но экран остался темным. Пощелкав выключателем, Эрик убедился, что электричества не было.

- Должно быть, проблемы с генератором, - сказал он вслух и вытащил из сумки белую хлопковую рубашку. Пока одевался, разглядывал стоявшие на полках книги. Не удержавшись, вытащил сначала одну, за ней другую. - Что за... - Он едва не расхохотался. - Магия? Seriously?

Пентакли, руны, графики на латыни, - когда он пролист-

нул сладковато пахнувшие листья, то почувствовал щекотку в подреберье. Захлопнув один из томов, покачал головой. Невозможно было представить, чтобы Якоб Хансен увлекался всей этой чепухой. Эрик вообще не мог вспомнить никого в своем окружении, кто бы на полном серьезе верил в подобное. Все эти гадания, эзотерические изыскания, астрология и прочая магическая ерунда казались ему бредом и пустой тратой времени.

Как со всем этим соседствовало висевшее над кроватью распятие и несколько изданий Библии на столе, стало еще одним вопросом, на который он сам же себе и ответил:

- Старик просто сошел с ума...

Спустившись вниз, через окно он заметил Румоса, который постригал ветки сливового дерева. На кухне шумела вода. Эрик вышел на улицу и окликнул старика:

- Что-то с генератором. Нет электричества. Наверное, нужно пригласить мастера или...

- Мы все делаем сами, - ответил Румос и перехватил секатор в другую руку.

- Э... Ну, наверное, это правильно, - пожал плечами Эрик. - Скажи, у деда есть машина? Я бы мог съездить в город, чтобы купить какие-то продукты. Правда, - он вдруг вспомнил, что остался совершенно на мели, - у меня сейчас туго с финансами.

- Скоро все наладится, - уверил его Румос и вытер вспотевший лоб. - Надо просто подождать.

- Подождать? - не понял Эрик. - Ты имеешь в виду, что дед оставил мне еще и деньги?

- Он оставил тебе гораздо больше, чем ты можешь себе представить...

"Аквавит"* - национальный скандинавский алкогольный напиток.

Глава 10 Герти

В это утро у нее все валялось из рук. Первая партия булочек подгорела, и Герти пришлось снова ставить тесто, ругая себя за оплошность. Время стремительно утекало сквозь пальцы, но внутри нее оно словно замерзло ледяной глыбой с момента разговора с Бергом. Герти пыталась гнать воспоминания от себя, будто это могло что-то изменить. Она прекрасно знала, что сама была виновата в том, что произошло. И теперь ее раздражало все - и собственная нерешительность, и эти подгоревшие булочки, и необходимость улыбаться клиентам в то время, как глаза были на мокром месте, а душа горела, словно огонь в печи.

Когда в бар пришли присланные Йоргенсеном работники, чтобы измерить помещение и оценить будущий ремонт, она уже буквально не находила себе места. Они о чем-то спрашивали ее и шутили, но Герти с трудом понимала, чего от нее хотят. В конце концов они просто занялись своим делом. А она, будто робот, занялась своим.

Погода была прекрасной - светило солнце, и небо, такое синее и бескрайнее, радовало глаз. Дверной колокольчик то и дело возвещал о новых клиентах. В ход шло все: и газированные напитки, и мороженое, и выпечка, и пиво. Герти не могла припомнить, чтобы когда-нибудь торговля шла так бойко. В голове постоянно крутилась мысль позвонить отцу

и сказать ему, что они справятся сами, и что для того, чтобы все наладилось, совсем не нужно идти на такие жертвы, как свадьба. Сказать все то, на что у нее не хватило мужества по возвращению домой.

Туве был счастлив, и Герти сразу поняла это, когда увидела его. Но не его улыбающееся лицо поразило ее в тот момент. Отец и мать сидели перед телевизором, словно делали это изо дня в день, как примерные супруги. Мать была в платье и с накрашенными губами, что уж вообще выбивалось из колеи. На столе стояла бутылка вина, и по всему было видно, что праздновалось что-то особенное. И Герти сразу поняла, что.

Это окончательно добило ее. Не то чтобы она рассчитывала, что мать поймет или подскажет как поступить. Собственно, ей и нужно-то было лишь поделиться с ней своими сомнениями, а заодно коснуться темы, о которой они говорили с фру Кламме. Но глядя в мутные и пустые глаза матери, Герти поняла, что не добьется ровным счетом ничего. Она сразу же отправилась в свою комнату, легла и проворочалась в постели всю ночь, прокручивая в голове мысли по сотому кругу.

Когда в бар забежала Соня и, дождавшись своей очереди, перегнулась через стойку, дернув ее за локоть, Герти уставилась на нее таким большим взглядом, что подруга оторопела.

- Эй, с тобой все нормально? У тебя такой вид, будто ты всю ночь пряталась в подвале от зомби!

- Хорошо, что ты пришла! - Герти сунула ей в руку тряпку.
- Пожалуйста, вытри вон тот столик. Я совсем зашилась.
- А.... - Соня оглянулась. - Конечно!
- Мне очень нужно поговорить с тобой. Я не стала звонить тебе ночью, потому что... - губы Герти дрожали, пока она отсчитывала сдачу.

- Момент! - Соня кивнула и понеслась к столу. Возя тряпкой, она с тревогой смотрела на Герти.

Прошло еще полчаса, прежде чем у них появилась возможность поговорить. В баре осталась только семейная пара с двумя маленькими детьми, которые не желали есть мороженое сами, а потому родители были целиком поглощены кормежкой своих чад.

- Давай, рассказывай! - Соня втянула носом запах свежих булочек и тут же получила одну из них.

- Берг сделал мне предложение. То есть, не мне, а отцу...
- Чего? - кусок едва не вывалился изо рта Сони.
- Они хотят, чтобы через неделю я вышла замуж за Берга, - торопливо прошептала Герти. - И тогда начнут стройку отелей. А наш бар переделают на свой вкус. Может, вместо него будет ресторан.

- Ну... - Соня вытерла измазанные кремом губы. - Разве ты не понимала, что рано или поздно так и случится?

- Но я не хочу!
- Хм, я тебя не понимаю. Скажи Бергу, что между вами все кончено. В чем дело?

- У нас финансовые трудности, - Герти отвела глаза.

- А у кого их нет? - пожала плечами Соня. - Тоже мне, удивила.

- В том-то и дело! Йоргенсены хотят сделать из Сольворна курортный город. Но для этого нужны большие средства. Они готовы вложиться, если я выйду за Берга.

- Ого! Да ты у нас принцесса, Герти? Детка, а ты не забыла, что это твоя жизнь?

- Я не знаю, что тебе ответить...

- А как вообще на это смотрит твоя мать?

Герти нагнулась к уху Сони и тихо сказала:

- Мне кажется, что она сошла с ума! Если бы ты видела ее вчера...

Соня отодвинула тарелку.

- Не такой уж это и редкий случай в наших местах, - пробормотала она.

- Что ты имеешь в виду?

- То самое! Разве ты не знаешь, что произошло с матерью Улле?

- Нет, - покачала головой Герти, судорожно вспоминая полную женщину с рябым лицом и вечной сигаретой в уголке рта.

Соня почесала бровь и вздохнула.

- Улле классный парень, с ним весело, но... - она закусила нижнюю губу. - Три месяца назад его мать вышла на улицу совершенно голая и шла так, пока прохожие не позвонили в

полицейский участок.

- Черт! - воскликнула Герти, чем моментально привлекла внимание семейной пары. У женщины был такой вид, будто ее оскорбили на приеме в королевском дворце. - Почему ты мне не рассказала?

- Улле попросил. Мало ему, по-твоему, досталось? Можно подумать, если бы я сказала, это как-то помогло бы ему.

- Да уж...

- Учитывая, что твоя мать тоже немного того... - Сонья многозначительно приподняла брови. - Не обижайся, но все об этом знают.

Герти прикрыла глаза ладонью, а Сонья продолжила:

- А моя бабка, Герти? Помнишь, я тебе про нее рассказывала? Там, на озере? - Сонья погрызла ноготь. - Чердак у нее тоже был с дырой, если ты понимаешь, о чем я.

- О... - только и смогла произнести Герти.

Сонья махнула рукой:

- Поэтому я и хочу уехать. Улле мне очень нравится, но если я влюблюсь в него, - щеки Соньи покраснели, - то не смогу потом бросить. И как тогда быть? - встретив непонимающий взгляд Герти, она пояснила: - вдруг это передастся нашим детям?

- Что передастся?

- Ну это... - Сонья покрутила у виска.

- Нет, я не думаю, что все так серьезно, иначе бы...

- Послушай, может, Берг не так уж и плох?

Герти вздохнула и покачала головой:

- Я не хочу быть с ним.

- Скажи ему об этом.

- Все слишком запуталось.

- Но что-то ведь можно сделать?

- Сходить в Медвежий лог и загадать желание? - печально предложила Герти.

- Хуже не будет, - развела руками Соня. - Только я с тобой туда не пойду, прости.

- Но ты проводишь меня хотя бы до дороги? Если я пойду одна, Берг увяжется со мной. А так, скажем ему, что пошли по магазинам.

- Договорились. Только по магазинам мы действительно пройдемся.

- Тогда сегодня, после работы. Мари обещала сменить меня после трех.

- Хорошо! Встретимся у церкви.

... Как только появилась Мари, Герти стащила фартук и повесила его на спинку стула.

- Что, много народу? - удивилась Мари, заглядывая в кассу.

- День сегодня вообще какой-то странный, - ответила Герти, торопливо переобуваясь.

- Жарко, да, - согласилась Мари и открыла банку с газировкой.

С улицы донесся автомобильный гудок. От резкого звука Герти вздрогнула и посмотрела на дверь. Мари, жадно глотая содовую, проследила за ее взглядом:

- Кого-то ждешь?

- Нет!

- Если появится твой отец, что ему сказать?

- Что мы с Соньей отправились по магазинам. Она скоро уезжает, и мне бы хотелось что-нибудь подарить ей на память.

- Спички?

Герти непонимающе уставилась на Мари. Та пожала плечами:

- Это была шутка. В конце концов, сейчас не Рождество, чтобы дарить спички*. Да и вряд ли в ее новом доме будет камин. Наверняка придется снимать дешевую комнатенку или комнату в общежитии. Так что подари ей коробку свечей. Ничто так не поднимает настроения вдали от дома, как зажжённые свечи.

- Послушай, Мари, ты слышала что-нибудь о той женщине, которая голая вышла на улицу?

- Слышала ли я? Я тебе больше скажу: я знаю ее. Мы учились в одном классе. Никогда не понимала, что ее муж нашел в ней, - хмыкнула Мари. - Мелкая, невзрачная, рябая... А вот, поди ж ты, и замуж раньше всех выскочила, и сына родила. Только ненадолго этого счастья хватило.

- Она училась с тобой в одном классе? - удивилась Герти.

- И со мной, и с твоей матерью. Беттина, но мы звали ее Большая Бет. Уже не помню, почему.

- Надо же, мама никогда не рассказывала мне об этом. - Герти покачала головой: она даже припомнить не могла, когда они вот так запросто сидели на кухне с матерью и болтали о чем-то. Вот у Соньи это было в порядке вещей, поэтому ей так нравилось бывать у них.

- Нечего там рассказывать, - отмахнулась Мари. - Мы с Сольвейг были подругами. Хорошими подругами, - подчеркнула она. - А Большая Бет была странной - слушала тяжелый металл, одевалась и красила губы в черный цвет. Твоя мать жалела ее, - фыркнула женщина. - Будто кому-то было до нее дело. Пару раз я видела их вдвоем в то время, когда Сольвейг говорила, что будет занята по дому. Крутились возле компании парней, где был и твой отец. А ты знаешь мой характер, - Мари подбоченилась. - Я никого около себя не держу! Если ей было интереснее с Беттиной, что я могла поделать?

- Вы поругались? - Герти мельком посмотрела на часы, чтобы не опоздать на встречу с Соньей.

- Да не то чтобы, - Мари с хрустом раздавила банку и кинула ее в ящик под стойкой. - Вроде как разбежались на время, а получилось... - она развела руками. - После экзаменов я уехала учиться в Осло, а они вышли замуж. В Осло я встретила своего будущего бывшего, и мы неплохо порезвились, пока я не забеременела старшим. Потом вернулись сюда, родились младшие, и мы разбежались. - Мари вздохнула: - Нет,

мы не ругались с Сольвейг, просто так получилось.

- Надеюсь, мы с Соньей останемся лучшими подругами на всю жизнь.

- Замужество, хозяйство, дети... Иногда все это выкидывает нас из жизни, словно дохлого кита на берег. Говорят, что вы с Бергом...

- Не сейчас, ладно? - поморщилась Герти.

- О... - усмехнулась Мари. - Конечно.

- Мне надо бежать! - Герти сжала кулак, к которому Мари приложила свой. - Обещаю, что приду вовремя.

- Ты уж постарайся! А то мои парни разнесут дом! Когда у тебя появятся свои дети...

- Мари... - Герти вжала голову в плечи и зажмурилась.

- Ладно, - женщина проводила ее удивленным взглядом.

Оглядевшись, Герти быстро зашагала по улице в сторону церкви. Сегодня на ней было светлое платье из тонкого хлопка, до даже оно казалось ей слишком плотным для такой погоды. Солнце слепило, и от этого немного слезились глаза.

Волчье озеро сверкало, словно огромный голубой бриллиант, и Герти остановилась на минуту, чтобы рассмотреть его получше с того места, где она сейчас находилась. Морские чайки с криками носились в небе - их гомон заглушал все остальные звуки. Воистину, нет лучшего места для людей и птиц, чем то, где рядом море, озеро и горы...

Сонью она заметила сразу - та сидела на скамейке и болтала ногами, разглядывая выходящих из церкви людей.

- Ходила на службу? - спросила Герти, усаживаясь рядом на нагретую скамью.

- Зашла ненадолго, - буркнула подруга с недовольным видом. - Может, все-таки передумаешь?

- Ты о чем?

- Не пойдешь туда?

Герти упрямо покачала головой и тут же спросила:

- Скажи, как ты умудряешься уживаться с верой, рационализмом и всякими предрассудками?

- Все зависит от обстоятельств, - усмехнулась Сонья. - Надо же как-то искать ответы на все эти вопросы, которые возникают в моей голове, - она взялась за мизинец Герти и легонько потрясла его. - Ладно, я поняла тебя. Пошли!

Они направились к горам в обход, чтобы не привлекать ненужного внимания, но шли достаточно быстро, переглядываясь и нервно посмеиваясь.

- Сто лет не забиралась так высоко! Надо было взять с собой воды! - Лицо Соньи стало похоже на масляную лепешку.

- Я не подумала, прости! - всплеснула Герти руками.

- Да ничего, надеюсь, мы не задержимся... - голос Соньи был полон надежды.

- Обещаю, - в который раз повторила Герти. - Ночью, конечно, было бы не так жарко, и мы бы могли...

- Ночью?! - Сонья хлопнула ее по плечу. - Ты с ума сошла? Никуда бы я с тобой ночью не пошла!

- Эх ты, а еще подруга называется! - отшутилась Герти. -

Только взгляни! - она восхищенно замерла. - Как в сказке... Если на минуточку забыть, какой сейчас год, то можно услышать, как поют горные ведьмы и топают тролли.

- Что б тебя, Герти! Не говори ерунды!

- Эх, Сонья, как бы мне хотелось верить, что магия существует!.. - Герти нагнулась и подняла небольшой кусок породы. - Крибле-крабле-бумс! И все проблемы позади! - она швырнула камень вниз и продолжала смотреть, пока он не исчез из поля зрения.

- Ну, как уж есть. Если ты сама не в состоянии разрулить, то я надеюсь, хоть не загадаешь того, о чем будешь потом жалеть. - Сонья дотронулась до ее плеча.

- Я уже и так о многом жалею, - пробормотала Герти.

Остаток пути они шли молча, пока впереди не показался зазор между скалами.

Раньше именно здесь начинались горные выпасы, и кое-где земля еще хранила воспоминание о козьих тропах в виде едва различимых каменистых насыпей, где животные отдыхали, укрытые в тени скалистых выступов.

- Там, - Сонья указала пальцем, - дом Хансена. А Медвежий лог правее. Видишь знак "Частная собственность"? Если бы старый Хансен был жив, он мог бы заявить на тебя в полицию.

Герти почесала переносицу, раздумывая над словами подруги.

- Я буду ждать тебя здесь, - Сонья покрутила головой в

поисках подходящего места, а затем уселась прямо в траву, поджав под себя ноги.

- Хорошо! Тогда я быстро: туда и обратно! - Герти махнула рукой и рванула к дороге.

- Эй! Бабка говорила что-то про водопад! - крикнула Сонья.

Герти обернулась.

- Желание загадывать нужно там. Не верю, что мы серьезно говорим об этом, но за что купила, за то и продаю.

- Водопад, значит водопад! - рассмеялась Герти. - Мне уже все равно! Жди!

Она неслась по дороге, не чувствуя ног, словно за ее спиной выросли крылья.

"Глупая! Какая же я глупая!" - стучало в голове.

Дорога к поместью не пугала ее. Старый Якоб Хансен умер, а приведения, как известно, днем не появляются среди живых людей. Да и не верила она ни в призраков, ни в приведения. Если бы фру Кламме видела ее сейчас, то подняла бы на смех. Но откуда фру Кламме знать, что у нее на душе? Как бы она смогла объяснить ей, что иногда люди просыпаются и понимают, что их жизнь движется совсем в другую сторону. Если бы кто-нибудь сказал ей об этом чуточку раньше, заставил прислушаться к себе, а не к тому, что хочется другим...

Краем глаза она видела дом, но старалась не смотреть в ту сторону. Слухи, которые ходили о поместье, были разными.

Никто толком не мог сказать, что именно там происходило и происходило ли вообще, поэтому просто старались лишний раз не упоминать о нем. В сущности, какая разница, если от этого в общем-то в Сольворне ничего не зависит.

А вот от Йоргенсенов...

Герти сама не заметила, как преодолела большую часть пути. И вот уже перед ней Медвежий лог. С виду это был обычный лес. Только очень старый, с такими кряжистыми деревьями, стволы которых не смогли бы обхватить даже трое взрослых мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.